

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Mars 1935

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNÉE

10 Марта 1935 г.

170

10 Березня 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-ой

РІК ВИДАННЯ 8-ий

С о д е р ж а н и е :

1. **И. К. Скубани:** Письмо.
К матери.
2. **Сергий Савицкий:** Кубань в огні.
3. «Русским казакам» — на размышление.
4. Трагедия Казачества.
5. **М. Еремиев:** Столетие первого издания Калевалы.
6. **П. Поляков:** Казачество и выборы Денского Атамана.
7. **М. Белов:** Донская старшина.
8. **Еф. Якименко:** На предвыборном собрании.
9. **И. Билый:** Мой ответ.
10. Казачья эмиграция.
11. Думы и мысли.

П о ч т о в ы й я щ и к

Тулуза. **И. Х.** Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Андабр. **И. Б.** Получено. Привет.

Ромба. **М. А.** Получено. Ответ — письмом. Привет.

Остров — **М. П. Р.** Ждите письмо. Привет.

Белград. **Н. Д.** Получено. Привет.

Берлин. **Г. К.** Ничего не нужно уговаривать.

Бельфор. **Х. В.** Получено. Привет.

Ужиче. **П. Т.** Ответ — письмом. Привет.

Клевелянд. **Т. К.** Спасибо. Привет.

Харбин. **И. К.** Получено. Журнал посылается. Привет.

Шумово. **А. Ю.** Будет напечатано. Привет.

Польша. **С. О.** Исполнено. Привет.

Бразилия. **С. С.** За все надіслане — дякую!

Таяне. **С.** Будет напечатано в следующем номере. Привет.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ВНИМАНИЮ ВСЕХ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ ВО ФРАНЦИИ.

Редакция просит всех в. казаков при пересылке ей денег, будь то подписная плата или деньги иного какого назначения, или пересылать их на текущий счет редакции по адресу:

Paris C. C. 180616, Monsieur Bilyi Ignat, 10, rue Victorien Sardou, Paris 16.

или почтовым мандатом.

В первом случае в почтовой конторе взять mandat carte de versement à un c/c postal и заполнить его, написав вышеуказанный адрес. Во втором случае, при посылке денег мандатом, в почтовой конторе заполнить фишку № 1411 бис и предъявить ее чиновнику, который выдаст мандат. Этот мандат нужно потом вложить в письмо, а письмо адресовать на имя редактора, как обыкновенное письмо (или заказное).

Только в крайнем случае деньги посылать почтовыми переводами.

При пересылке денег иного назначения, чем подписная плата, следует всегда одновременно сообщать письмом о назначении посылаемой суммы.

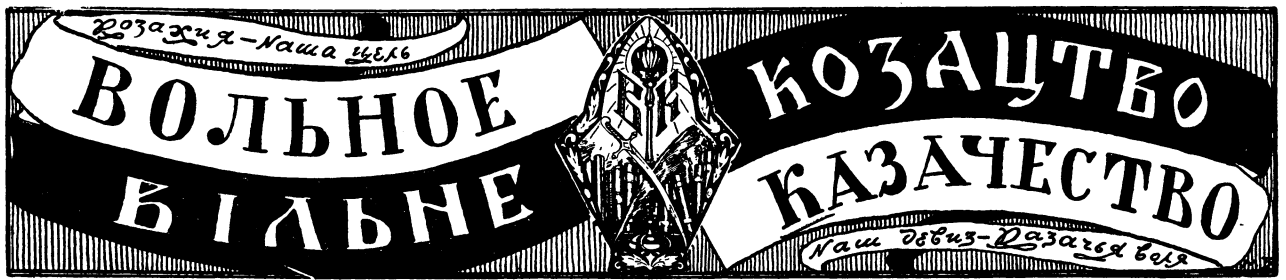

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический
Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 170

Воскресенье 10 марта 1935 г. — Неделя 10 березня 1935 г.

№ 170

И. К. Скубани. (Румыния).

П И С Ь М О...

*Моей старушке-матери с глубоким благо-
ловением посвящаю эти строки.*

Мне сегодня тоскливо до смерти,
Горе жжет мое сердце огнем, --
Целый день просидел я, склонившись
Над полученным утром письмом.
Буквы мелкие странно расплылись
И украшены кляксой чернил, --
Этот серый листок из тетради
Бесконечно мне дорог и мил.
Почерк старого друга с Кубани,
Пишет мало, но в сжатости фраз
Мне одно безусловно понятно, --
Мать ослепла моя. -- мать без глаз!
Одиноко, забытая всеми,
В развалившейся хатке живет
И все плачет, тоскует по сыне,
Все кормильца на родину ждет.

Мать ослепла. Последнего счастья --
Света солнца -- лишилась она,
Жизнь во мраке таинственных теней
Ей до самой могилы дана...
Мать моя! Об утраченном зреньи
И о мире земном не жалеи, --
Ты теперь хоть не видишь тех гадин,
Что ползут по отчизне твоей.
Не грусти о сиянии солнца, --
Твою душу осветит Христос,
Я Ему о тебе, дорогая,
Нынче с жаром молитву вознес...
Ах, тоскливо, обидно и больно, --
Весть меня поразила, как гром, --
Целый день просидел я, склонившись
Над расплывчатым, милым письмом...

16 октября 1934.

К М А Т Е Р И

Ты ослепла. Очей твоих пламень
Потушил слез бурливый поток
И на душу невидимый камень
Наложил не жалеющий Рок.

Горевала ты долго по сыне --
Реки много воды унесли
С той поры, как живет на чужбине
Он вдали от родимой земли.

Горевала, в разлуке томилась, --
Из за моря его все ждала,
А ослепнув, как ветка сломилась
И, крестясь, беду приняла...

Мать, не плачь! Верь расплата настанет, --
Рухнет прахом тирана чертог,
На Кубань угнетенную глянет
Снова добрый всевидящий Бог.

Потерпи, -- скоро кончатся грозы,
Прояснится лазурная высь,
Я приду осушить твои слезы
А пока... ожидай и молись.

Октябрь 1934.

Сергій Савицький.

Кубань в огні

Драма на 5 дій з живою картиною.

ДІЄВІ ОСОБИ:

Павло Коваленко, старий заможний кубанський козак.

Настя, його жінка.

Іван, сотник.

Максим, простий козак. } сини Коваленка.

Бойко, станишний отаман.

Данило Рябошапка, хорунжий, товариш Івана.

Ольга, сестра Данила.

Депутат Кубанської Ради.

Закрепа, простий козак.

Роман, швець, комісар.

Зайда, чекіст.

Козаки, городовики, жінки, матроси й китаїці.

Д І Я 1.

Нутро гарно прибраної хати Павла Коваленка. Вечоріє.

Настя (одна): Щось мого старого довго нема. Щодня б'ють у дзвін, скливають збори, радять, а ніякого ладу в станиці. Колись слухали отамана, а тепер і він у них став за тряпку (Павза). Городовики — горою за своє! Хочуть ще й козаків порозкозачувати та ділитися їхньою землею...

Павло (входить): що, не чути ще наших хлопців?

Настя: А хіба що?

Павло: Та вже багато фронтовиків було на сходці. Де-хто мені казав, що не забаром і наші сини вже прийдуть...

Настя: Господи, колиж я їх дочекаюсь! Людські діти приходили з фронту й додому навідаються, а мої соколи три роки на фронті, а й одному не пощастило дома побувати... Щож там урадили на зборах?

Павло: Отаман заохочував козаків сформувати сотню з охотників, так городовики були наробили такого лемету, що не дай тобі Боже!...

Настя: Ну й шож, сформували?

Павло: Та де там. Фронтовики навіть і слухати не хочуть. Більше тепер слухають шевця Романа, ніж свого отамана.

Настя: Чому ж вони не хочуть гарнізуватися?

Павло: Ми, кажуть, не підемо більше проти народу. Народ, кажуть, хоче волі, та й землю від буржуїв слід відібрати; ми тепер, кажуть, не підемо проти бідних, як було це у 1905 році. Тоді козаків, кажуть, обдурили та тепер уже не обдувають...

Настя: Та городовики ж позіхають і на козацьку землю, — як же вони, оті фронтовики, цього не бачать?

Павло: Ім у голові перевернулося... Ось чекаємо своїх, а хто ж його знає, якими прийдуть. (Чути, як загавкали собаки).

Настя: Чекай, старий, шось собаки гавкають. Підшлишень подивись...

(Павло виходить, Настя починає поратися біля печі)

Павло (входить, а за ним Іван): Насте, дивись, кого я тобі оце веду...

Іван (входить): Добрий день, мамо!

Настя: Сину!...

Іван: Що, не сподівались?...

Настя: (здивується до Івана): Івасю мій... А як змінився, як виріс... І хрест маєш на грудях, та ще й охвицера заслужив... Та що ж це я — ти ж мабуть голлодний... (Кидається до печі та до столу).

Павло (шілується з Іваном та до столу): Не бачились цілих три роки та ще й з гаком. Я вже гадав, що й не доведеться мені з тобою побачитись, та, дякувати Богові, ще нас звів до купи. Поки мати упорється з вечерю, розкажуй, сину, як тобі їхалося з фронту? що чувати у світі?

Іван: Та ледве доїхали... Скрізь на дорозі салдатня, та всі вже большевики... Не раз хотіли нас розбійти, та були ми не козаки, якби не повернулися

на Кубань без оружя. Требували салдати від козаків видачі охвицерів, але козаки нікого не видали... Чекайте, тату, треба ж коня упорати...

(Павло та Іван виходять. Мати готує вечерю. Через де-який час повертаються син і батько в хату. Батько несе Іванові суми).

Настя: Сідай, Івасю, до столу та їжти з батьком.

Іван: Ну, то вже сідайте і ви з нами, мамо...

Павло (кладе суми, бере з шафи чарку й горілку): Беріг оце як свого ока до приїзду своїх синів. Це ще миколаївська.

(Починають вечеряти. Мати теж сідає до столу).

Павло: А де ж Максим? Що ти чув про нього?

Іван: Максим... шкода, що він приходиться мені братом...

Настя: Що це ти, Івасю, кажеш?

Павло: Чи не набрався, боронь Боже, большевицького духу?

Іван: Не тільки набрався, але ж і агітаторські курси пройшов. Такий став большевик, що мабуть наша станиця ще не бачила такого. У нього Бога вже нема (Настя починає тихо плакати), на охвицерів дивиться вовком... Де-коли й мене вже налякав, що я золотопогонник, а всіх золотопогонників, по його думці, чекає шибиниця.

Павло: Ого-го! Це вже не жарти...

Іван: Як тільки ми приїхали у станицю, він зараз почав роспитувати про большевиків, а далі зараз же й побіг до якогось Романа...

Настя (кізь сльози): Для нього став городовик Роман миліший за свою рідну матір...

Павло: Та ти не плач, стара, може він ще образиться...

Настя (втирає очі): Іж, Івасю!... Дякували Богові, що хоч ти людиною вернувся.

Павло (наливає чарку): За твоє здоровля!

Іван: Пийте на здоровля!

Павло (п'є; наливає чарку і підносить Іванові): Випий, добра горілка — не смердючий самогон.

Іван: (п'є і ставить чарку на стіл): Справді горілка добра; тепер уже такої не дістанеш...

Павло (наливає чарку і підносить Насті): Випий і ти. Не давай сльозам волі: я ще поговорю з Максимом, повинен же він послухати свого старого батька. А як мене не послухає, то нехай більше й не переступає порога моєї хати...

Настя (до Івана): За твоє здоровля, Івасю!

Іван: Пийте на здоровля!

Настя (притулює чарку до уст і ставить на стіл).

Павло: Та хіба так п'ють?

Настя: Щось не йде мені сьогодні горілка... Іж,

Івасю: бери пиріжки, вони з сиром, — ти колись їх любив... Боже, яка радість була у хаті, як би й Максим був не збився з дороги!

Ольга (входить): Добрий день!

Усі: Добрий день!

Ольга: (здоровкається за руку з Іваном): Таки й ви діждалися дорогого гостя!

Павло: Тай для тебе, здається, сонечко зійшло. Ти гадаєш, як я старий, то нічого не бачив? Ще перед війною все бачив... Коли втихомириться заверюха, я вас благословлю...

Ольга: Сьогодні вернувся мій брат Данило і казав, що й ваш Івась приїхав разом з ним, — так оце я й прибігла подивитись на нього... (До Івана) Я вже дуже за тобою скучила. А може тепер, як став охвицером, до тебе й приступити не можна?

Іван (усміхається): Ні, Ользю, я який був для тебе, таким і остався...

Ольга: Я прибігла до вас на хвилю, подивитись на Іваса та сказати (до Івана) тобі, щоб ти прийшов до нас: Данило щось хоче тобі сказати.

Іван: Скажи йому, що прийду.

Ольга: Добре. Добра ніч. (Виходить).

Усі: Бувай здорова...

Настя: Дуже гарна дівчина, має золоте серце. Багато разів нам помагала й при роботі, коли ти з Максимом був на фронті. І розумна. Коли надумаєш, Івасю, женитися, то кращої й не шукай для себе пари...

Бойко (входить в черкесці, при шаблі з охвицерським темляком та при кинжалі й револьвері): Добрий вечір!

Усі: Драстуйте!

Бойко: Маєте гостя не простого, а пана сотника (стискує руку Іванові, а потім і другим).

Іван: Тай на вас блищать погони — пан отаман, а не простий козак!

Бойко: Тепер краще бути простим козаком, ніж отаманом. Кільки разів зрікався отаманства та старіки дуже хотять, щоби я й надалі держав отаманську булаву в своїх руках, бо нема кому її передати. Надійшли фронтовики, може хто з молодих козаків перебере отаманство...

Павло: До булави тебе голови!

Бойко: Завтра буде збор; приїде депутат Кубанської Ради, якраз і буде нагода вибрати другого отамана.

Іван: Я добре знаю фронтовиків, і не дай Боже, щоб кому небудь з них у руки попала зараз булава, — пропаде наша станиця. Ви не смієте у такий смутний час зрікатися отаманства.

Бойко: А можеб ви або хорунжий Рябошапка заступилиб мое місце?

Іван: Ми, молоді охвицери, ще не маємо практику в станишних ділах, та й без отаманства будемо мати досить роботи...

Бойко: Так отже, прошу завтра обов'язково прийти на збори. Треба ще де кого з своїх людей сповістити... Добра ніч, бувайте здорові. (Подає усім руку).

Усі: дякуємо, щастя Вам Боже... (Бойко виходить).

Павло: Добрий з нього отаман, — праве станицею так, що краще й не треба!

Іван: А коли добрий, то ви, старіки, й не погоджуйтеся на другого, колиб він справді здумав завтра зрікатися з отаманства.

Настя: Завтра буде цікава сходка, бо буде й депутат з Ради. Я також мабуть піду послухат'я...

Павло: Не знати, як зустрінуть його фронтовики?

Іван: Фронтовики зараз з панталіку збилися, втратили козацький дух...

Максим (входить і не скидає шапки): Драстуйте!...

Павло: Здоров був!...

Настя (кидається до Максима): Максиме, моя дитино!...

Максим: Та вжеж не чия, як ваша. А ви, тато, здорові? (подає руку батькові).

Павло (подає руку Максимові): Дякувати Богові, ще ноги носять...

Максим (до Івана): З тобою вже бачились. (Підходить до столу, наливає чарку горілки й п'є): Та ви ще маєте буржуйську горілку? (Дивиться на пляшку): Так і є, миколаївська, хоч царя Миколу товарищі салдати давно вже вигнали...

Павло: А за що вигнали царя?

Максим: Як за що: та він же кров пив з бідного народу! Щей питають за що...

Павло: Ти сам бачив, як він пив, чи тобі може другі казали?

Максим: А-а, як видно по ваших словах, то ви старорежимник, кадет...

Павло: А ти хто ж такий будеш?

Максим: Я стою за бідний народ. Гді вже буржуям панувати над нами! Увесь пролетаріят тепер стає до боротьби за волю...

Павло: Ти б може, сину, шапку скинув в хаті, бо я, як ти сказав, старорежимник і не люблю того, хто шапки не скидає в хаті...

Максим (сміється): Ха-ха-ха! Шапку скидати в хаті! Як хочете, то я й скину (скидає шапку). Ви може й ікони маєте в хаті (дивиться по стінах). Так і є.

Скажіть: для чого ви їх держете у хаті? (Наливає чарку й п'є) Добра горілка...

Настя: А до чого будемо молитися Богові? до голих стін? Чи як ти думаєш?

Максим: Ха-ха-ха!... Якому Богові? То все дурниці, полівські видумки... Пролетаріят скоро справляється з попами, тоді вже не буде кому підносити опіум народові. Релігія, то опіум, який нищить народ, держе його в темноті...

Павло: А ти, сину, де такого розуму набрався? Скінчив станишню школу тай то з гріхом попалам, а тепер удаєш дуже вже мудрого.

Настя: Боже, Боже! (плаче).

Іван: Максиме, як що сам не віруєш у Бога, то пошануй других! Подивись на твою рідну матір: ти своїми словами й їй як у серце встромляєш...

Павло: «Нема Бога, — каже безумець у серці своєму» — так написано у святому письмі. Отже, не новину, Максиме, ти кажеш; бути, значить, і в старовину люди такі, як ти зараз є, що таке говорили. А з того часу вже багато, багато століть пройшло... Про таких, як ти, ото і загадується у святому письмі... Такі нехристи, як ти, й Бога росп'яли!...

Настя: Максиме, моя дитино, що ти плетеш ото язиком? Чому Іван має в серці Бога, а він же не дурніший від тебе?

Максим: А яке! Іван дуже розумний, як те старе сало... Як раз таким і золоті погони нашивають!...

Іван: А таким розумним як ти, навіть і одної лички не нашіють...

Павло: Максиме, ось послухай, що я тобі скажу і добре розваж над моїми словами: Випроважував я тебе з Іваном на війну, як мені любих синів. Ти не можеш мені сказати, що я ставився коли небудь до Івана краще, ніж до тебе. Ще наказував тобі, як старшому синові, щоб ти доглядав за ним, а Іванові, щоб він тебе слухав. Тепер ви обидва, по трьох роках, вернулися до рідної хати, до рідного батька, матері. Іван прийшов охвицером, сотником, а ти навіть і приказного не заслужив. Та не в тім діло. Ти наслухався більшовицьких агітаторів і тобі здається, що від них дуже багато розуму набрався... Для тебе вже нема і Бога і нічого в житті святого. Ти, як жид, навіть шапки вже не скидаєш у хаті!... Для рідної матері у тебе, по трьох роках розлуки, не знайшлося ані одного доброго слова. Ти сліпо віриш більшовикам москалям у їх партійну програму. Кажу тобі правду: брешуть вони! Більшовики хочут одурманити козаків, щоби козацькими руками знищити козацький провід, а потім захопити козацькі землі і таких дурнів, як ти, повернути у своїх кріпаків. Ти ж козак!... Ти мусяш піддержувати козацьку владу, а не зброд на козацькій землі, що називається Совіт салдатських і робочих депутатів. Кажу тобі оце по доброму. Коли ти мене не послушаєш, то краще не переступай порога моєї хати.

Максим: Ви тягнете руку за золотопогонниками!

Іван: Тато, шкода ваших слів!

Максим: Маєте в хаті одного золотопогонника, той радьтєся з ним, як піддержувати контр-революційну Раду...

Павло: (б'є кулаком по столі): Максиме, не забувай, де ти є і з ким ти говориш!

Іван: Тобі колять очі мої погони. А хтож тобі не дав їх заслужити? Все був, як не в обозі, так у госпиталі, та там і захворів на більшовизм...

Максим (вскакує): Мовчи, золотопогоннику! (Кидается до Івана і хоче зірвати погони).

Іван (б'є кулаком у груди Максима): Не ти мені давав погони, не тобі їх і зривати.

Павло (до Максима): Геть з моєї хати!... Щоб твого й духу тут не було!...

Максим (іде до дверей; у дверях): Буржуї, кадеті... А ти, золотопогоннику, ти ще дістанеш від мене плату! (Показує кулак і виходить).

Настя: Господи, за які смертельні гріхи Ти покарав мене такою дитиною?... (Падає на коліна перед іконами).

„Русским казакам“ — на размышление

В прошлом номере нашего журнала мы сделали обзор международной печати, обзор того, как реагирует международная пресса на переговоры, ведущиеся сейчас между европейскими государствами по вопросам, связанным, в конечном счете, с судьбами России (по выражению «Возрождения»). Там же мы подчеркнули и то, какую роль хотела бы играть сама красная Москва в современной большой международной игре. — Об этой международной игре более определенно можно будет сказать после поездки английского министра иностранных дел в Берлин. Там, если не решится, то, во всяком случае, предпринят ход ближайших европейских (а может быть и не европейских) событий, которые, несомненно, окажут свое влияние и на международное положение СССР. Подробнее мы будем говорить об этом в следующий раз, а сейчас остановимся на том, как отвечает русская эмиграция на все то, что делается в большом международном свете в связи с «русским вопросом».

Не скрываем, что, как прежде, так и сейчас (так и в будущем) будем говорить обо всех этих вопросах исключительно для того, чтобы наибольшему количеству казаков раскрыть глаза на то, что кругом них делается; раскрыть глаза на то, в какой обстановке будет или может решаться «русский вопрос», а значит — и наш вопрос. Надо наперед нам знать, кто что будет делать тогда, когда действительно будет решаться судьба теперешнего СССР. Надо нам, казакам, наперед хорошо знать не только то, как мы хотим решить свой казачий вопрос, но и то, в какой обстановке он будет решаться. Надо знать свои желания, надо уметь считать свои силы, но, одновременно, надо знать желания и силы тех, кто будет рядом с нами или против нас.

23 февраля в Париже выступил с докладом на тему о путях противобольшевнического движения в прошлом и настоящем ген. А. Деникин. — Нам неинтересно то, что говорит сейчас ген. Деникин о прошлом. Мы, казаки, то прошлое не только видели своими глазами, — мы его испытали на собственной шкуре. Для нас интереснее сейчас то, что говорит ген. Деникин, встречаемый и провожаемый после своих выступлений овациями русских эмигрантов (см. «П. Н.» от 24 февраля и «В.» от 26 февраля), о настоящем и будущем.

«Возрождение» 26 февраля подчеркивает, что «патриотические заявления» ген. Деникина «вызвали бурю аплодисментов». — Что же это за патриотические заявления и что можем или могли бы ждать мы, казаки, от патриотизма ген. Деникина и тех, кто устраивает ему овации?

По мнению ген. Деникина «военная опасность в мире далеко не устранена, несмотря на римские и лондонские соглашения. Призрак войны не рассеян»... «Восточный пакт (гарантия неприкосновенности советских западных границ. Ред.) без Германии и Польши, очевидно, не приемлем»... «Польша предоставила Германии свободу рук на востоке»... «Обе державы (Германия и Польша) укрепляют свои отношения с Японией»... «Немцы

и поляки, с одной стороны, а японцы — с другой, стремятся использовать сепаратистские настроения»... «Берлин сейчас не хочет ссориться с Парижем: Германия готова на стовор с Францией при условии предоставления ей свободы действий на востоке»... «Немецкое влияние в Китае идет рядом с японским. Польша заключила с Японией военный договор. Интересы этих стран, поскольку они касаются России, совпадают»... «Внешняя политика Польши, Германии и Японии преследует общие цели, одинаково опасные для России»...

Так расценивает ген. Деникин современное международное положение, складывающееся кругом СССР и вызывающее у него чувства тревоги за будущую судьбу единой, неделимой России.

Более интересен, с нашей точки зрения, взгляд ген. Деникина на красную армию. Ген. Деникин весьма изменился в этом отношении по сравнению с тем ген. Деникиным, которого мы знали в 1918-1920 годах. Теперь ген. Деникин думает, что «и под советским мундиром может биться русское сердце. Не следует отталкивать пренебрежительным отношением красноармейцев. Некоторые эмигранты говорят: красная армия побежит перед иностранцами. А может быть и не побежит», говорит ген. Деникин и последние слова его, как пишет «В.», аудитория покрывает громовыми аплодисментами.

Для нас, пожалуй, более существенное и весьма показательное значение имеет не столько то, что сказал ген. Деникин, сколько то, как на это патриотическое его заявление ответила русская эмиграция. — Мы, конечно понимаем, что это значит. Мы понимаем эти громовые аплодисменты, как желание успехов красной армии в ее будущем внешнем столкновении.

И разве у когонибудь из нас может быть сомнение в том, что желающие сейчас красной армии побед не забросают потом ее цветами, не станут сами скоро в ее ряды?

Нам хочется только спросить на этом месте «русских казаков», противников казачьей самостоятельности, — ну, а что же будете делать вы тогда, когда сегодня аплодирующие красной армии из Парижа ваши патроны и братья (если и не по крови, то по духу) начнут становиться в ряды ее, в ряды той красной армии, которая вот уже пятнадцатый год огнем и мечом царствует там, на родной нашей Земле над телом и душой наших братьев, — что будете делать вы?

Далеко оставил за собою в некоторых отношениях ген. Деникина господин Казем-Бек в своем выступлении в Париже 28 февраля. Говоря «о внешних силах, могущих прийти в столкновение с Россией», сообщает «В.» (2 марта), г. Казем-Бек сказал: «Грозная опасность нависла над Россией со всех сторон. Теперь уже не может быть речи об интервенции, а о войне против России. Хотя Россию свалить... А этого мы, русские, не хотим и не допустим (громовые аплодисменты). Есть такие, которые говорят: если хоть какую-нибудь область захватят иностранцы, то это будет спасение для

многих миллионов русских людей, умирающих от голода. Нет, Россия вечная, Россия наших предков и наших потомков, — это более высокий идеал, это большая ценность, нежели судьба голодных людей, сколько бы их ни было...

Мы бы очень хотели, чтобы последние слова г. Казем-Бека прочли не только вольные, но и все казаки. Прочли — и приняли в расчет, что: 1. русские теперь не голодают, голодают больше всех казаки и украинцы; 2. сам новоявленный варяг г. Казем-Бек — азербейджанский татарин, — следовательно, голодают не его кровные близкие; 3. освобождение казаков, украинцев, азербейджанцев и других народов, страдающих сейчас под властью Москвы, г. Казем-Бек называет «захватом иностранцами»...

Особенно хотелось бы нам, чтобы над приговором главы младороссов хоть немного поразмыслили те казаки, которые называют себя сейчас казакми-младороссами.

Что касается нас, вольных казаков, то наш ответ г. Казем-Беку и всем ему бурно-аплодировавшим («В.» пишет, что слушатели испытали на докладе г. К.-Бека «радостный патристический подъем») готов давно:

если азербейджанскому татарину, ставшему таким горячим русским патриотом. Россия дороже миллионов голодающих и страдающих под красным игом наших братьев, то нам они дороже всякой России, дороже и России предков и потомков г. Казем-Бека.

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III

(Июль-декабрь 1919 г.)

Между Камышином и Саратовом.

(Схема 5-6 см. в предыд. номере).

«Между тем», повествует Врангель, «противник сосредоточивал к Саратову, на поддержку отступающим вдоль Волги красным частям, новые, свежие силы. Последние брались частью из внутренних губерний, частью снимались с Восточного фронта. Ставка (Деникин-Романовский-Плющевский Плющик) требовала продолжения нашего — Кавказской армии — наступления, не желая считаться ни с какими доводами», продолжает Врангель. «По овладению Камышином, генерал Романовский вызвал меня к аппарату и лично передал указания Главнокомандующего преследование энергично продолжать. Я ясно отдавал себе отчет в том, что в ближайшее время, несмотря на всю доблесть частей, наступление наше захлебнется», говорит Врангель, составляя свои «Записки» за границей (т. I, стр. 172).

19-го июля 1919 г. ген. Врангель директивой № 01622 задачей для Кавказской армии поставил: помешать противнику сосредоточиться для нового удара; с этой целью одна колона армии, в составе 4-го Сводного корпуса, 2-й Кубанской дивизии и 3 Кубанской пласт. бригады, должна была наступать по Саратовскому тракту вдоль правого берега Волги, а другая колона в составе конного корпуса под командой Покровского должна была наступать долиной р. Медведицы на г. Аткарк.

Из этой директивы видно, что Кавказская армия не была в силах занять фронт Камышин-Балашов и оставляла за собой приблизительно около трети того фронта, который был указан для нее «Московской директивой» и который собирался занять сам командующий Кавказской армией согласно его же телеграмме командующему Донской армией, посланной 28-го июня 1919 г. Занимая такой сокращенный фронт, ген. Врангель продолжал за каждую цену удерживать в своих руках 1-й Донской корпус, поручая ему фронт на правом берегу р. Медведицы.

В виду весьма напряженного положения в это время на огромном фронте Донской Армии (см. далее: «Борьба на границах Дона и России»), такое сужение задач Кавказской армии вызвало большое недовольство у командования Донской армией; поэтому последнее 22-го июля «вновь возбудило ходатайство перед ген. Деникиным о скорейшем возвращении в Донскую армию 1-го Донского корпуса и о необхо-

димости пропорционального распределения фронта между армиями».

Как мы знаем, «Московская директива» возлагала на Кавказскую армию колоссальнейшую и труднейшую задачу. Уже первый месяц борьбы после издания этой директивы показал с абсолютной очевидностью, что белые русские дали для этой армии совершенно фантастическую задачу. Белая Россия командовала казакми, а красная Россия промла казачьи корпуса своими армиями, преграждая надежно пути подхода к Москве белой России.

20-го июля 1919 г. Кавказская армия вышла на фронт: 4-й Корпус под командой ген. Топоркова занимал Лесной Карамыш-Грязноватка-Прянуха; группа ген. Покровского — Веревкины Хутора-Неткачево-Гречанная (схема 5-6). В этот день «противник перешел в контр-атаку», говорит Врангель. 4-й конный корпус был атакован силами красной конницы Думенко. После упорного боя, понеся большие потери в людях и конском составе и потеряв часть своей артиллерии (3 орудия), ген. Топорков вынужден был отойти назад в район Пановка-Гнилушка. На следующий день ген. Топорков снова перешел в наступление и, хотя и отбросил противника, но сам вновь понес большие потери...

Группа ген. Покровского, занявшая Красный Яр и выдвигнувшаяся к 22 июля на линию Тетереватка-Грязнуха-Вер. Добринка, так же столкнулась с превосходными силами красной конницы. В течение трехдневных, 22-24 июля, упорных боев ген. Покровский разбил конницу Буденного. К вечеру 24 июля части армии вышли на линию Нижне Багное-Французская-Карамышево-Верховье-Добринка. «Этот новый успех стоит нам очень дорого, говорит Врангель, части понесли большие потери, и особенно значительные потери среди командного состава. Силы армии были надломлены» (Врангель, I, 174-175).

26-го июля Врангель прибыл на фронт Кавказской армии и 27-го в селении Каменный Овраг устроил военное совещание в составе начальника штаба и командиров корпусов. К этому времени обстановка представлялась в следующем виде:

«На фронте адм. Колчака противник продолжал одерживать крупные успехи, преследуя отступавшие по всему фронту войска Верховного Правителя. Учитывая опасность, в случае занятия нами Саратова, противник, используя свои успехи на востоке, снимал с Сибирского фронта ряд дивизий, спешно перебрасывал их к Саратову. Из внутренних городов России

бесперывно подходили свежие пополнения. Спешно прозвонилась мобилизация в прифронтовой полосе.

Напрягая крайнюю энергию, красные в середине июля успели сосредоточить в Саратов большую часть своей 2-й армии. Силы, коими располагал противник, достигли 40.000, превосходя численностью Кавказскую армию во много раз. Результаты ошибочной стратегии главного командования начали сказываться... Значительно усилившийся, превосходивший нас во много раз численностью, противник должен был ежедневно перейти в наступление и наши части должны были неминуемо быть отброшены к югу. Единственный наш коммуникационный путь — Волга — был под ударами врага. Наша транспортная флотилия состояла всего из двух захваченных нами в Царицыне буксиров, весьма слабой силы. На своевременный подход подкреплений рассчитывать было нельзя. При значительном удалении от базы и отсутствии путей подвоза, артиллерийское снабжение пришло в расстройство. Вплоть до Царицына подготовленных узлов сопротивления не было. Войска, отброшенные к югу, неминуемо должны были сотни верст катиться назад. Имей мы силы продолжать наступление и атаковать противника в Саратове, не дав ему закончить сосредоточение, обстановка могла бы круто измениться в нашу пользу. Однако, в настоящих условиях об этом нечего было и думать. Не только продолжать наступление, но и рассчитывать продолжительное время удержаться на настоящих позициях мы не могли. Надо было думать лишь о том, чтобы сберечь армию впредь до прибытия подкреплений и возможности с помощью их перейти в контр-наступление» (Врангель, т. I, стр. 176).

Трудно сказать, когда ген. Врангель сделал такую в общем правильную оценку положения Кавказской армии на р. Волге тогда ли, когда помогал Деникину тянуть насильно казаков на Москву, или тогда, когда составлял за границей свои записки. Во всяком случае, из этой оценки видно, что составители «Московской директивы» или были людьми, ничего не понимавшими в происходящих исторических событиях, или они совершенно сознательно вели Казачество на уничтожение.

Выше упомянутое военное совещание под председательством Врангеля 27 июля приняло решение: «в случае перехода противника в общее наступление, избегать решительных боев и медленно отходить, задерживаясь на каждом рубеже, лишь нанося короткие удары врагу, с целью выигрыша времени» (Врангель, т. I, 176).

В тот же день ген. Врангель послал Деникину длинную телеграмму, в которой пояснял, какие большие силы стянул противник в районе Саратова, говоря о том, что «обстановка повелительно требует полного использования Камышинской победы и неустойчивого продвижения на Саратов, дабы не дать красным закончить сосредоточение». Однако, «полное расстройство снабжения вследствие невозможности иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт, крайнее истощение частей Кавармии, сделавшей за три месяца с непрерывными боями более тысячи вёрст и огромный некомплект в единственно боеспособных Кубанских частях исключал возможность дальнейшего продвижения Кавармии на Саратов. На военном совете комжоров, собранном мною в Каменном Овраге, дальнейшее продвижение на север единогласно признано невозможным» (там же, стр. 177).

Все эти факты были неопровержимым доказательством того, что русское белое движение и на Южном фронте потерпело уже крах и что продолжение борьбы за белую Россию было продолжением политики вредительства казачьим интересам, которые требовали немедленной организации защиты казачьей территории.

29-го июля Врангель послал Деникину предлинное письмо, в котором резко осуждал стратегию и тактику Деникина. В этом же письме Врангель хвастался перед Деникиным своими большими заслугами перед Россией, проявившимся в последовательной борьбе Врангеля при помощи Атамана Филимонова и военного ми-

нистра Науменко, в течении нескольких месяцев против организации самостоятельной Кубанской армии; хвастался тем, что он готов разогнать Кубанскую Законодательную Раду, настаивавшую на организации Кубанской армии. И, в заключение, писал: «...Моя совесть чиста и упрекнуть мне себя не в чем; но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачем ее, не дает мне покоя...» (стр. 182).

Как видим, у этого необыкновенно честолюбивого генерала вдруг заговорила совесть...

Это напоминает нам до некоторой степени те мучения, которые переживал Кубанский Атаман Филимонов в марте 1918 г. после оставления г. Екатеринодара. Временами он сознавал, какую ужасную роль сыграл он, передав Кубанские вооруженные силы в руки Покровского. Тогда Филимонов восклицал: «...«Я сам искренно считал себя преступником» («Белое Дело», т. 2, статья Филимонова; а также «Трагедия Казачества» ч. 1, стр. 71-90).

Из этого видно, что русские генералы, тянувшие казаков на борьбу за неделимую Россию, сами иногда оценивали свою роль...

При этом следует припомнить, что в том самом июле 1919 г., когда ген. Врангель в своем письме к Деникину так беспощадно бичевал всю политику генералов и самого себя, кубанские генералы Науменко и Филимонов сделали анкету между старшими начальниками кубанских строевых частей на фронте о том, следует ли осуществить закон Кубанской Рады о Кубанской армии, и из 14-ти запрошенных 13-ть ответило: не следует. Так сомкнулся круг людей, оставивших Кубань беззащитной в тяжелые времена кровавой борьбы против надвигавшейся на Казачьи Земли красной русской армии. Часть этих генералов, бывших на военном совещании в Каменном Овраге, ясно сознавала, очевидно, до чего она довела Казачество, почему и решено было — отступать... Только у этих генералов не хватило моральной силы публично признать свою вину перед Казачеством и отойти в сторону с казачьей дороги. Генералы остались на своих местах, а Врангель то писал требовательные и дерзкие телеграммы главнокомандующему, то летал на Кубань с требованием все новых и новых пополнений в армию, то вел негласную агитацию с целью спихнуть Деникина и самому сесть на его место...

28-го июля командующий Донской армией вновь категорически настаивал перед Деникиным на понуждении Кавказской армии занять фронт от Волги до г. Балашова, указанный для нее «Московской директивой». В это же время 4-й Донской корпус под командой ген. Мамонтова прорвался через большевистский фронт и направился на Тамбов, производя страшные разрушения и сея панику в тылах красных армий.

28-го же июля Кубанская Законодательная Рада настаивала на срочной закупке лошадей для Кубанских конных частей и для этой надобности отпустила 42 миллиона рублей.

Казачество хотело бороться против большевизма на своих землях. Казачество шло на огромные жертвы людьми и имуществом, но носители идеи «Московской директивы» своим вмешательством в казачье-русскую войну явно губили казачье дело.

Бои на границах Дона и России.

(Схема 7).

16-го июня 1919 г. Донское казачество торжественно праздновало освобождение Родной Земли от войск красных русских завоевателей.

Через четыре дня, 20-го июня, русское белое движение, возглавляемое Деникиным, «Московской директивой» хотело возложить на Донское Войско задачу «похода на Москву».

В июле того же года красная Россия решила нанести главный контр-удар с р. Волги именно на территорию Дона (см. выше: «Контр-меры красной Москвья»).

Сопоставляя эти факты, видим, что Донская армия и Донская территория для белой и красной России являлись тогда центром внимания. По мнению русских белых Донское Войско должно было нанести мощный, решающий удар по красным силам России, а красная Россия, путем разгрома Донской казачьей армии, думала достичь ликвидации сил белой России.

Начало генерального удара на Юге красное командование относило к первым числам августа 1919 г. События на Донском фронте, охватывающие период времени от издания «Московской директивы» до начала этого удара, имеют первостепенное значение для определения соотношения борющихся сил; эти события также с большою очевидностью могли предсказывать и самый исход борьбы Севера и Юга; они же были проверочным экзаменом для наметившихся двух основных линий казачьей политики — самостийничкой и русской: на фронте напряженной, изнурительной и безмерно кровавой борьбы Донской, с одной стороны, и русских красных армий, с другой, решался вопрос, кто прав, те ли казаки, которые тянули в Москву, или же те, которые боролись за казачью государственную независимость.

Ко времени издания «Московской директивы» Донская армия, состоявшая в то время из трех корпусов, вышла в общем на линию Новый Оскол, несколько южнее станции Лиски, Балашов, далее северо-восточнее и восточнее границ Донской области до района Гусевки на р. Иловле. К этому времени Донская армия, насчитывавшая около 42 тысяч бойцов, занимала фронт длиной около 550-600 верст, т. е. в среднем на одну версту фронта приходилось 70-76 бойцов (схема 7).

Уже одно сопоставление длины фронта и количества бойцов с совершенной очевидностью говорит о том, во-первых, что сил Донской армии было далеко недостаточно для удержания такого огромного фронта, и во-вторых, что Донцы могли действовать успешно, только собирая в нужных местах ударные группы и искусно маневрируя ими. Принимая во внимание все это, а также соотношение общего количества русского и казачьего населения, одержанную большевиками победу над армиями Колчака и успешные действия красных на иных, кроме Южного, фронтах, Казачество могло с успехом вести только активную оборону своих границ, отбросив в сорный ящик всякие «Московские директивы» и вместе с тем, порвав решительно с политикой создателей подобных, вредных для Казачества, директив.

Если линию фронта, занимаемого Донскими войсками в описываемое время провести на этнографической карте Восточной Европы, будет видно, что Донская казачья армия в июне 1919 г. вышла в общем за восточные и северные границы Донской Земли, а от г. Новохоперска на запад до района Нового Оскола Донская армия оказалась приблизительно на границах украинской и русской этнографических территорий. Севернее этого фронта в общем начиналась подлинная русская земля. Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение в последующем ходе войны: во первых перед каждым рядовым казаком теперь поднимался жгучий вопрос — ради каких целей, ради чьих интересов казаки пойдут далее на север проливать свою и чужую кровь; во-вторых, перед каждым рядовым красным воином поднимался свой вопрос о необходимости защиты **своей** родной земли.

Казачья масса думала, что дальнейшее продвижение казачьих армий на север совершенно не вызывалось насущными интересами Казачества. В глазах же массы русского населения большевицкое правительство и большевицкое командование являлись организаторами защиты русской территории от нашествия казаков. Как приближение Колчака к русской территории всколыхнуло массы русского населения и в самый короткий срок дало на Восточный противоколчаковский фронт более 50-ти тысяч новых красных бойцов, так приближение казаков к землям, населенным русскими, поднимало на борьбу ту же русскую народную массу.

Вот эти настроения основной массы Казачества и основной массы русского народа и определяли, в общем, дальнейший ход борьбы на границах Дона и России. И не удивительно, что русские исследователи казачье-русской войны подчеркивают то весьма характерное и важное обстоятельство, что **только с отходом на настоящую русскую территорию разбитых казаками в зимних и весенних боях 1919 г. красных армий явилась полная возможность «привести их (армии) в порядок, устроить, пополнить и сделать вновь боеспособными»** («Гражданская война 1918-1921 г.», Москва, т. 3, стр. 240).

По мере приближения донцов к территории России, возрастало сопротивление красных войск. Обладание такими железно-дорожными узлами, как Лиски, Поворино и Балашов, через которые проходят железные дороги на Новочеркасск, на Царицын и на Камышин, имело первостепенное значение для обеих борющихся сторон. Поэтому во второй половине июня 1919 г. разыгрались упорнейшие бои за обладание железной дорогой, связывавшей Балашов-Поворино и Лиски. Конница ген. Секретева обходным движением с востока и северо-востока 16-го июня захватила станцию Лиски, но в тот же день красные перешли в упорнейшие контр-атаки и после ожесточенных боев 16-17 июня советские войска снова завладели этим важнейшим железно-дорожным узлом, а 19 июня красные принудили донцов очистить и г. Бобров, лежащий к востоку от станции Лиски на железной дороге Лиски-Балашов (схема 7).

19 июня, после упорных боев, донцы захватили г. Балашов и г. Борисоглебск, но уже 23 июня красные выбили донцов из Новохоперска, а 24 июня заняли и г. Балашов; 21 июня донцы взяли Новый Оскол, а 24 июня советские войска вытеснили казаков из этого города. Во то же время оперативные сводки отмечают весьма упорные бои в районе Острогжска, Боброва и станции Таловой. 25 июня в руки красных попадает ст. Таловая, а 26 июня советские войска захватывают и г. Бирюч. Только после двухдневных упорнейших боев вокруг г. Балашова 26 июня донцы под командой ген. Коновалова снова завладели этим городом. В последующие дни шли упорнейшие бои к северу и востоку от Балашова. Такие же упорные бои шли и в районе р. Терсы, при чем русские войска делали настоящие попытки, чтобы снова вернуться на Донскую Землю. Так, например, 27 июня красные наступали из селения Елани на селение Тростянку Донской области.

При этом следует припомнить, что в тех же двадцатых числах июня Кавказская армия встретила упорнейшее сопротивление 10-й советской армии между р. Волгой и р. Иловлей (см. выше: «Камышинская операция»), а также красные войска вели наступление с трех сторон на г. Екатеринослав, протигивали руки и к г. Харькову (см. далее: «Бои на Левобережной Украине» и «Бои за обладание Днепром»).

Русский народ не ограничился организацией сопротивления казачьим войскам в выше указанных районах. Оттиснение толщи народной к казакам и к советской власти выявилось и в следующем показательном факте: 26 июня поднялось противоказачье крестьянское восстание в целом ряде больших сел в районе г. Новохоперска — в Алферовке, Троицком, Подосиновке, Пыховке и т. д., восстанием руководил учитель Яков Баранов, собравший отряд в 3000 человек при трех пулеметах. Восстание шло под лозунгом борьбы за советскую власть. Это восстание, охватившее большой район, показало, как дорога советская власть для самых низов русского населения...

Как видим, на длинном фронте от г. Корочи до г. Балашова и далее до г. Красный Яр на р. Медведице всю вторую половину июня русские 8-я, 9-я и часть 10-й советских армий оказывали упорнейшее сопротивление казачьему продвижению на север. Особенно крепко русские держали в своих руках Лислинский железно-дорожный узел. Все усилия донцов овладеть Лисками после издания «Московской директивы» не увенчались успехом.

Выполняя эту директиву, Донская армия присту-

пила к соответствующим перегруппировкам, при чем все силы 1-го Донского корпуса, действовавшего перед этим между р. Медведицей и Волгой, намечено было перебросить ближе к району г. Балашова, вправо от которого до самой реки Волги должна была занять фронт Кавказская армия. Против этого перемещения 1-го Донского корпуса решительно запротестовал генерал Врангель, настаивавший на том, чтобы Донской корпус оказал помощь ему в боевых операциях на фронте Камышин-Красный Яр против 10-й сов. армии.

В общем же уже через несколько дней после появления «Московской директивы» выяснилось, что эта директива накладывала на Донское Войско недостижимые задания. Донцы дрались с переменным успехом на фронте с оправившимися и быстро пополнявшимися советскими армиями — всей 8-й, всей 9-й и частью 10-й (39 дивизия). Для документальной характеристики положения на русско-донском фронте в конце июня 1919 г. приведем следующий документ:

Телеграмма Начальника Штаба Донской армии генерала Кельчевского Начальнику Штаба ген. Деникина ген. Романовскому:

«Наштаглав. Копия Врангелю.

09228. В дополнение № 0261/К считаю долгом доложить, что обстановка на фронте Донской армии по-прежнему требует принятия решительных мер по переводу частей 1 Корпуса в район нового сосредоточения и скорейшей перегруппировки в духе Директивы Донской армии № 0263, что находится в зависимости от операций Кавказской армии по выходе ее на линию Камышин-Балашов; необходимость разгрома 10-й Красной армии отлично мною сознается, чем и была вызвана телеграмма № 0261.

В настоящее время обстановка на Донском фронте усложнилась еще больше:

1. Противник заметно усиливается в районе Балашова за счет той же 10-й армии, выдвинув туда части 29 дивизии и подтянув свежие подкрепления из центра России,

2. Обнаружено также значительное усиление красных и их активность в районе Бобров-Лиски, а также на Оскольском направлении,

3. Самым последним серьезным событием является восстание крестьян, организованное коммунистами в тылу Донской армии в районе Пыховка-Алферовка-Таволжанка-Троицкое, очевидно, с целью облегчения операций противника вдоль железной дороги Грязи-Царицын.

Утомленные непрерывными боевыми действиями в период очищения Дона донские войска в настоящее время без выполнения перегруппировки в духе директивы № 0263 не в состоянии будут не только выполнить главной задачи движения на Москву, но даже сохранить настоящего занимаемого положения и, быть может, принуждены будут отойти на Донскую территорию из района Борисоглебск-Новохоперск для перегруппировки.

Перегруппировка 1-го Отдельного Корпуса начала 26 июня и отмена ее может повести к очень серьезным осложнениям на фронте Балашов-Новохоперск-Лиски, не говоря уже об излишней форсировке и без того крайне ослабленных войск.

№ 4347/К. 28 июня 1919 г. Кельчевский».

Кавказская армия не имела достаточных сил для того, чтобы занять фронт Камышин-Балашов, предпосланной ей ген. Деникиным, а Донская армия без непосредственной помощи своего 1-го корпуса не могла справиться с поставленной ей задачей на фронте Балашов-Косроча. Всего через 8 дней после опубликования «Московской директивы» начальник Штаба Донской армии говорил, что Донские войска «не в состоянии будут не только выполнить главной задачи движения на Москву, но даже сохранить настоящего занимаемого положения, и быть может, принуждены будут отойти на Донскую территорию». Что это утверждение начальника Донского Штаба (генерала не казака) было построено на реальных данных, последние события подтвердили в полной мере.

Отмечая это, мы не можем умолчать и о том, ка-

кую оценку настроению и соотношениям сил русских и казачьей армий почти в то же время сделал казак генерал Сидорин. 6-го июля в газетах было опубликовано следующее заявление:

Донская армия находится на главном операционном направлении на Москву. Во время последнего наступления наше продвижение вперед было настолько быстро, что все тылы и снабжение армии сильно отстали. Поэтому дальнейшее продвижение пришлось задержать до того момента, когда снова будут подтянуты все тыловые учреждения... Моральное состояние наших войск отличное. Все сознают необходимость прямого движения на Москву и **все жаждут прийти туда скорее**» («Приазовский Край, № 152, 6 июля 1919 г.).

Свою действительную волю, свое настоящее отношение к русской «красной» и к русской «белой» власти русский народ вполне ясно проявил в том, что русские «красные» армии — 3-я, 2-я, 5-я и 1-я — разгромили армии адмирала Колчака и отбросили их за Уральские горы; выявил в том, что в южные противоказачьи «красные» армии вливались свежие десятитысячные пополнения, что поголовно восстали крестьяне района Пыховки, Алферовки, Таволжанки, Троицкого и т. д. ради защиты советской власти. Воля русского народа проявилась в быстрой реорганизации, в быстром пополнении рядов 10-й, 9-й и 8-й советских армий, упорно защищавших огромный противоказачий фронт на южных границах действительно русской территории — от Камышина до Балашова и от Балашова до станции Лиски и далее до г. Корочи.

Кого же имел в виду командующий Донской армией, когда утверждал, что все сознают необходимость прямого движения на Москву?

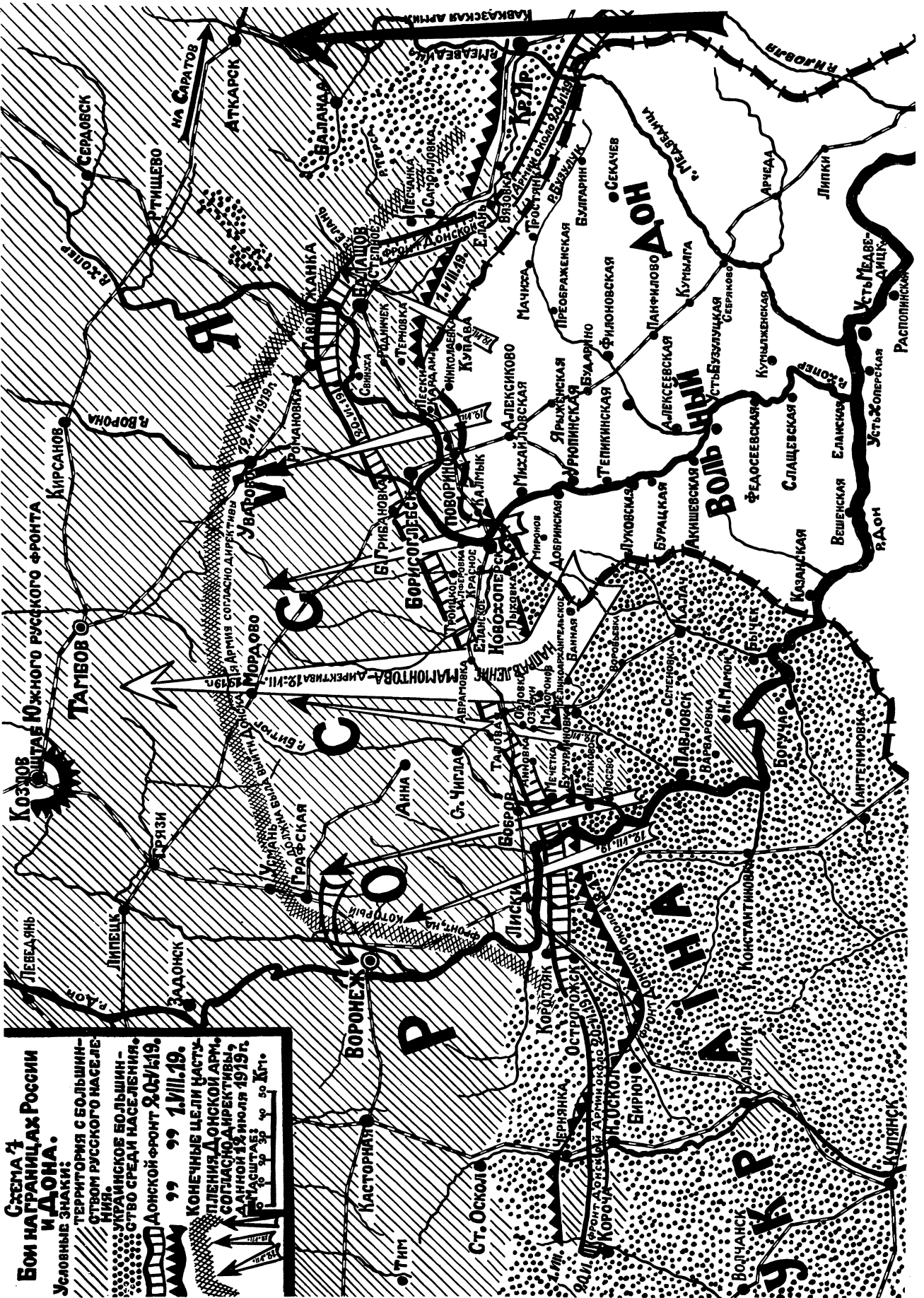
В начале июля красное командование приказало своим войскам перейти в наступление против Донской армии в районе г. Балашова и выйти на фронт Борисоглебск-Елань. Русская 9-я армия, поддержанная 10-й и 8-й перешла в энергичное наступление по всему фронту и действительно, после упорных и ожесточенных боев, 5-го июля красные заняли города Новохоперск, Борисоглебск и Балашов. Вследствие этой победы, донцы были вытеснены с русской территории на границы России и Дона (схема 7).

В ответ на это ген. Сидорин 7-го июля директивой № 0289/К поставил следующие задачи для своей армии: 1. содействовать Кавказской армии в ее наступлении в общем направлении на Камышин, 2. овладеть железно-дорожной линией Красный Яр-Елань, 3. готовиться к выполнению основной задачи — к движению на Москву. Если эту директиву сопоставить с выше приведенной оценкой положения Донской армии к концу июня 1919 г., сделанной начальником Штаба этой армии ген. Кельчевским, если принять во внимание и то, что русская 8-я армия держала в своих руках Новохоперск, Лиски и Бобров, а 9-я захватила только что Новохоперск, Борисоглебск и Балашов, станет совершенно ясным, насколько слепо ген. Сидорин проводил в жизнь «Московскую директиву».

Над самым Тихим Доном нависла явная и непосредственная угроза нового завоевания русскими армиями, а командующий Донскими казачьими силами приказывал казакам готовиться к движению на Москву». Между тем, Донскому командованию достоверно было известно, что красные войска, обвеянные победами на фронте Верховного Правительства России, спешно перебрасываются на фронт Донской армии, что сюда же непрерывно вливаются свежие пополнения из России...

Исполняя директиву № 0289/К, 2-й корпус Донской армии, занимавший фронт против 9-й армии, перешел в решительное наступление и части его 11 июля ворвались в г. Новохоперск и сел. Алферовку. Однако, в тот же день они отуда были выбиты. Части того же корпуса вели упорные бои к югу от г. Балашова, имея целью овладение этим городом.

В это же время Кавказская армия все еще задерживалась перед г. Камышином, хотя между реками Иловлей и Медведицей ей помогала 10-я донская конная бригада а на р. Терсе работали донские пластуны.

Как мы знаем, распоряжением ген. Деникина 8 июля 1-й Донской корпус был подчинен командующему Кавказской армией ген. Врангелю и объединенными силами этой армии и 1-го Донского корпуса было поставлено задачей выход на линию Балашов-Камышин.

Русское белое командование казачьими боевыми силами все еще не бросало мечты о походе на Москву. Поэтому решено было на Донскую армию возложить чрезвычайно задачу — особой ударной группой выйти на тылы Южных красных армий с целью расстройств управления ими, дезорганизации подвоза подкреплений и боевых припасов (см. далее: «Рейд Мамонтова»).

12 июля Кавказская армия перешла в весьма решительное наступление против 10-й армии. В тот же день, 12 июля 1919 г. Донское командование дало директиву № 0300/К, поставив следующие задачи Донской армии: 1. предупреждение удара противника, 2. подготовка к главной операции на Москву и 3. содействие уничтожению восточного ударного крыла красных. В этой же директиве более подробно говорилось о задачах Донского корпуса, предназначенного для прорыва советского фронта и выхода на тылы красных армий. 2-му Донскому корпусу было приказано «выдвинуться за линию Балашов-Уварово-ст. Мордово», а 3-му Донскому корпусу — разбить при содействии 4-го (предназначенного для прорыва Южного фронта красных) Таловскую группу противника и «**овладеть узлами Бобров-Лиски** и выдвинуться правым флангом на линию ст. Мордово — ст. Графская - г. Кортояк, подготавливая захват Воронежа с севера» (схема 7).

Эта директива ставила перед Донской армией весьма широкие задачи для действий на чисто русской территории. Согласно официальным данным Штаба Дон. армии 15 июля 1919 г. она насчитывала всего 25 пеших полков, 3 отряда, 9 батальонов, 43 конных полка, 1 конную дивизию, а всего 23768 штыков, 18690 шашек, 177 орудий и 743 пулемета.

В этом месте необходимо обратить особенное внимание на следующее. В своем месте мы отметили телеграмму Командующего Донской армией на имя генерала Деникина по поводу признания последним власти адмирала Колчака. Тогда ген. Сидорин уверял Деникина в том, что все воины Донской армии горят готовностью «принести все жертвы, для осуществления начатого Деникиным «великого дела». В начале июля тот же ген. Сидорин уверял русскую общечественность в том, что будто бы в Донской армии «все сознают необходимость прямого движения на Москву и все жаждут прийти туда скорее». В своих основных директивах, данных Донской армии в июле 1919 г., ген. Сидорин разными словами говорил все об одном и том же: о подготовке донцов к походу на Москву.

В действительности же после 15 июля командования Донской армией, учитывая действительные настроения донских казаков, принуждено было **демобилизовать четыре старших возраста донцов**; вследствие этого чрезвычайно важного акта, Донская армия была ослаблена на 10 тысяч пехоты и на две с половиною тысячи конницы и на 1-е августа того же года в Донской армии оставалось 14.200 штыков и 16.000 шашек (официальные данные Донской армии).

Красные армии, действовавшие против Донской армии, около 15 июля, согласно данным Штаба Донской армии, имели 96 пеших полков, 31 конный, 8 дивизионов и 4 эскадрона, а всего 48.900 шт. и 8850 сабель при 279 орудиях (данные о числе пулеметов собраны не были).

Из сравнения приведенных данных видим, что около 15 июля русские имели против донцов более чем вдвое больше штыков, но донцы имели более чем вдвое больше сабель. В общем же у русских было на 14 тысяч бойцов более, нежели в Донской армии.

1-й Донской корпус, действуя совместно с Кавказской армией, вышел в общем на линию р. Терсы в районе Елани - Красного Яра, при чем по течению этой реки всю вторую половину июля шли упорнейшие бои с переменным успехом в районе Елани, Вязовки, Карашевки, Судачье, Матьшево, Ильмень. Рудки и

т. д. (см. схемы 5-6 и 7). К концу июля фронт в общем проходил в районе р. Терсы. Здесь донцы прикрывали свою территорию с северо-востока.

Надо заметить, что события на этом фронте и месте его нахождения в значительной мере определялись событиями на фронте в соседне расположенной Кавказской армии (см. выше: «Между Камышином и Саратовым»). Эта армия все время отставала уступом далеко позади правого фланга 1-го Донского и особенно 2-го Донского корпусов, хотя, согласно «Московской директиве», должна была выйти на фронт «Саратов-Ртищево-Балашов». Значительно выдвинутое вперед положение Донской армии принуждало донское командование постоянно опасаться за свой правый фланг.

Бои на фронте 2-го и 3-го Донских корпусов к югу от г. Балашова, в районе станции Поворино, г. Новохоперска, в районе с.с. Бутурлиновки, Мечетки, к югу от ст. Лиски временами носили весьма и весьма упорный и ожесточенный характер. Все же Балашовская, Бутурлиновско-Таловская и Лискинская группы красных не только удержались в занимаемых ими районах, но часто сами переходили в весьма энергичное наступление, с большим трудом отбиваемое донцами.

Оперативные сводки отмечают, например, следующее: 20 июля красные Таловско-Бобровской группы продвинулись вперед и заняли Бутурлиновку и Архангельское; 21 июля донцы вырвали Бутурлиновку из рук красных, но снова были вытеснены оттуда советскими войсками; 22-го июля было приказано Донской армии во что бы то ни стало разбить Бутурлиновско-Таловскую и Лискинскую группы красных и овладеть узловой станцией Лиски; 23 июля донцы занимают Бутурлиновку и Макогоново, но контр-атакой красных снова были выбиты из этих пунктов; 24 июля донцы опять берут Бутурлиновку, Козловку и Великоархангельское и теснят большевиков на Озерки, но все усилия их, направленные к овладению недалеким г. Бобровым, не увенчались успехом, благодаря большой устойчивости русских войск; сводки отмечают ожесточенные бои в районе Анновки, Сафоновки, ожесточенные бои в районе Шестаково, Кольбельки, Репинского, Глуховского, Мечетки, Владимирского и т. д.; весь район от Бутурлиновки до Боброва обильно был полит казачьей кровью; несмотря на то, что 4-й Донской корпус ген. Мамонтова 27-28 июля прорвал большевильский фронт и пошел работать по тылам у красных армий, все же к началу общего наступления красных 2-3 августа на Дон, г. Острогоржск, г. Кортояк, станция Лиски и г. Бобров оставались в руках 8-й советской армии.

Бои 2-го Корпуса донцов с 9-й сов. армией в районе Новохоперска, Поворино, Борисоглебска, Пески, Кардаила, Родничек и т. д. в течение всей второй половины июля 1919 г. тоже отличались большим упорством, но тоже не достигли тех целей, которые были поставлены корпусу директивой от 12 июля 1919 г.

31 июля командующий Донской армией ген. Сидорин снова приказал этому корпусу уничтожить Балашовскую группу красных войск. Но и это страшнейшее приказание 2 корпус не мог выполнить по многим причинам. Во-первых, потому, что против него, насчитывавшего к 1-му августа того года 4200 штыков и 5000 сабель, при 47 орудиях, действовала вся возрожденная, обновленная и значительно пополненная бойцами и техническими средствами 9-я сов. армия, имевшая тогда 10700 шт. и 5400 сабель при 53 орудиях; значит, против 9200 донских бойцов действовало 16100 русских бойцов; второй причиной неуспеха было то, что Деникин продолжал оставлять 1-й Донской корпус в подчинении ген. Врангеля, вследствие чего 1-й Корпус во время июльских боев не оказал необходимого содействия правому флангу 2-го Донского корпуса при операции на Балашов; давая 2-му Корпусу задачу уничтожить Балашовскую группу большевиков, донское командование 31 июля снова обратилось к Деникину с настоятельной просьбой «привлечь 1-й Донской корпус к Балашовской операции, так как при неудаче на этом направлении, пояснял ген. Сидорин, трудно надеяться

на успеха на Аткарском направлении», на каковом действовала Кавказская армия. Но и после этого Деникин оставил 1-й Донск. корпус по прежнему в подчинении ген. Врангелю, а последний, как об этом говорилось выше (см.: «Между Камышином и Саратовым»), 27 июля 1919 г. на военном совещании с командирами корпусов Кавказской армии решил: в случае перехода противника в общее наступление... медленно отходить на юг.

Если примем во внимание то, что силы 9-й сов. армии почти вдвое превосходили силы 2-го Лисок-го корпуса, что 3-й Донской корпус не мог взять Лискинского узла, что Кавказская армия решила отступить на юг, будет ясна часть причины, не давших возможности 2-му Корпусу овладеть вновь г. Балашовом.

На самом левом фланге Донской армии, в районе Нового Оскола-Бирюча, занимаемом левым флангом 3-го Донского корпуса, никаких выдающихся событий за июль месяц не произошло. Донцы занимали Н. Оскол и севернее его ст. Чернянку. Левее их занимал фронт русский 1-й добровольческий корпус, который в июле не продвигался на север (см. далее: «Бои на Левобережной Украине»).

Следует при этом отметить, что донские войска 3-го Корпуса на фронте от района ст. Лисок до района Н. Оскола-Корчи, протяжением более ста верст, защищали от красной России, собственно украинскую территорию (см. схему 7). Если бы войска Украинской Народной Республики были в силах в то время выйти на границы России и Украины, как донцы вышли на границы России и Дона, если бы украинские антибольшевицкие войска смогли тогда взять на себя защиту всей северной границы Украины от вторжения русских войск, само собою отпала бы тяжелая необходимость для Донской армии растягивать свой фронт далеко на запад от пределов Донской Земли.

Не только свои собственные ошибки Казачества, не только напор со стороны России «красной», но и слабость национальных сил Украины в то время ставили Казачество в весьма тяжелое положение...

Таким образом, за время с 20 июня до конца июля 1919 г. бои донцов с русскими шли, главным образом, за обладание железно-дорожными линиями Лиски-Балашов и Балашов-Красный Яр, при чем к концу июля русские удержали в своих руках Острогосжск, Лиски, Бобров, Таловую и Балашов. Следовательно, цель, которую красное русское командование поставило для 8-й и 9-й армий — задержать продвижение казаков на север до времени сосредоточения двух ударных групп русских войск — была в общем достигнута.

В то же время не только «Московская директива» Леникина осталась на бумаге но и более близкие задачи, поставленные Донской армии ее командованием 12 июля — овладение Лискинским и Балашовским железно-дорожными узлами и выход на линию Балашов-Уварово-Мордово-Графская-Коротояк — не были достигнуты (схема 7). Весьма важным в этой борьбе было и то, что донцы не позволили красным армиям продвинуться на Донскую Землю.

Большая часть июля была использована донским командованием также на подготовку удара донских войск по тылам красных армий. В виду того, что вопрос о рейле корпуса Мамонтова более тесно связан с последующими августо-сентябрьскими операциями, мы обратимся к рассмотрению вопроса об этом рейле несколько позже.

Мы уже не раз обращали внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что рядовое казачество боролось только за освобождение своей Земли от власти советов, что казачья масса совершенно не хотела вмешиваться в разрешение спора или борьбы за власть в самой России (Великороссии), спора и борьбы, которые вели между собою русские «красные» и русские «белые».

Припомним события 1918 г.. Генерал Фицхелауров, согласно его собственным утверждениям в телеграм-

мах на имя Донского Атамана П. Краснова, за май-июль 1918 г. сформировал 22 пеших, 19 конных казачьих полков и 16 батарей двухорудийного состава. Казачья масса поднялась сама на борьбу и выгнала красные войска за пределы Донской Земли. При чем выход донских полков за пределы Дона на восток в сторону Царицына уже вызвал брожение среди казаков. Все же казаки пошли к самому Царицыну, так как понимали, что, не разрушив этого большевицкого гнезда, казаки не могут быть спокойны за Донскую Землю.

Совершенно иначе отнеслись казаки Дона к походу на г. Камышин в том же 1918 г. Чтобы не быть голословными, обратимся к документам. Генерал Фицхелауров в короткое время мог организовать и повести в бой 22 пеших и 19 конных полков, но тот же генерал не мог вывести казаков к Камышину, несмотря на все свое огромное влияние на казачью массу. 6 августа 1918 г. ген. Фицхелауров послал Донскому Атаману телеграмму, в которой говорил:

«Желательна особая телеграмма Донского Атамана к войскам моего района с объяснением необходимости для Войска Донского операции для овладения Камышиным. Насколько казаки привыкли к мысли о необходимости взять Царицын, настолько же для них неясна и неожиданна задача взять Камышин. Начать же подготовку умов казачьих к тому я не мог...

В тот же день Донской Атаман ответил длинной телеграммой, в которой объяснял Донским войскам необходимость занятия Царицына, Камышина, Балашова, Борисоглебска, Новоослебска, Таловой и Калача. В этой телеграмме Атаман писал:

«Приказываю широко оповестить об этом казачьих, объяснить им при этом, что границы Области столь велики, что прикрыть их от вторжения противника можно лишь путем занятия узлов железных дорог и ближайших населенных пунктов, находящихся вне области, что уже и делается на западной нашей границе, где нами занято ближайшее гнездо красногвардейцев — г. Богучар.

В частности, город Камышин и г. Царицын обвьяны славою казачьей вольницы, в них гулял старый казачий атаман — Стенька Разин... Старая Донская река Волга прикроет станицы и хutora с востока до Астраханской границы, где станут союзные с нами Астраханские казаки; на севере реки Полгорная, Хопер, Елань, Телса и Камышинка дадут возможность сократить наш фронт и облегчить пограничную службу.

Донцы! Еще одно последнее усилие для полной свободы Донского Края!

Донской Атаман Краснов».

Как отмечают дальнейшие документы, целых три Донских полка в полном составе отказались идти на Камышин. 9 августа из Михайловки, что на р. Медведице, генерал Фицхелауров снова телеграфировал Донскому Атаману:

«Брожение в казачьих частях на почве нехотения переходить границу Области, несмотря ни на какие объяснения... Считаю необходимым принятие каких-либо особых мер воздействия Правительства и станиц. В 1 и 4 полках митингуют Верхние и Нижние Кундрюченцы. При указанных признаках разложения предпринятие дальнейших операций нежелательно для успокоения умов».

13 августа Краснов приказал полки расформировать, произведя следствие и представив списки виновных для доклада Кругу и исключения из казачества (№ 1180/К).

Обратимся теперь к событиям, происшедшим на границах Дона ровно через год, т. е. в 1919 г. Донские казаки на своей земле, в полном смысле слова, разгромили 9-ю советскую армию и остатки ее в июне выбросили за р. Терсу и за г. Балашов. Потом этот русский город русская армия отобрала у казаков. После этого все усилия ген. Леникина и Донского командования двинули 2 Дон. корпус на занятие Балашова во второй половине июля 1919 г. не имели успеха.

Точно так же казаки Верхне-Донского округа в течение долгих февраля, марта, апреля и мая месяцев 1919 г. сумели защититься от во много раз сильней-

шего противника (см. 2-ю часть очерка «Трагедия Казачества»), но в июле того же года 3-й Донской корпус не смог взять Лисок-Боброва, значительно удаленных от границ территории Войска Донского, хотя ту же 8-ю сов. армию перед этим казаки несколько раз основательно разгромили в районе г. Луганска и отбросили ее остатки далеко на север (см. ч. 2 «Траг. Каз.»).

То же самое видим и на востоке, в районе рек Терсы и Медведицы. Попытки красных снова утвердиться на донской земле в июле 1919 г. весьма энергично и успешно ликвидировались казаками, но в то же время донцы не выявляли в общем такой же энергии и лихости казачьей, когда казакам приходилось выходить за р. Терсу, а значит удаляться от своей территории и входить в глубь Русской Земли.

Почти то же самое наблюдаем и на левом фланге Донской армии — в районе Н. Оскола и г. Бирюча. Деникин неоднократно обращал внимание Донского командования на «вялость» действий донцов в этом районе.

В чем же дело? Где основная причина этого общего явления?

Командующий Донской армией еще 1 июня телеграфировал Деникину: «...От лица своего и равно от лица командного состава и всех воинов Донской армии и флота выражаю Вашему Превосходительству полную готовность принести все жертвы, которые потребуются для осуществления начатого Вами великого дела... В начале июля тот же ген. Сидорин утверждал, что «все сознают необходимость прямого движения на Москву и все жаждут пойти туда скорее».

Так говорил командующий Донской армией. Однако, провозглашенный русскими «поход на Москву» не зажег сердца донских казаков, которые весьма доблестно и с выдающимся упорством дрались, защищая свою Землю, но проявляли «вялость», удаляясь за пределы Дона.

Вопрос о «вялости действий» Донской армии за пределами Донской Земли весьма тревожил не только Деникина и его Штаб, но тот же вопрос вызывал волнения и тревогу и в Штабе Донской армии. Последний путем внимательного изучения настроений рядовых бойцов старался найти действительные причины этого печального, с русской точки зрения, явления, ничего доброго не сулившего строителям единой и неделимой «белой» России.

В разультате этого изучения генкварм Донской армии генерального штаба полковник Кислов пришел к некоторым весьма замечательным выводам, суммированным в особом докладе, поданном им 8 августа 1919 г. командующему армией ген. Сидорину. Суть этого доклада сводилась к следующему:

«Сравнение действий казачьих и добровольческих армий указывает на то, что **переход границы Области внес перелом в казачью армию**. Объясняется это, писал полк. Кислов, непониманием широкими слоями рядового казачества необходимости борьбы за пределами области.

Для восстановления боеспособности генкварм считает необходимым следующее: 1. немедленная помощь добровольческими частями на Балашовском и Воронежско-Купянском направлениях для влития бодрости в казачьи войска по примеру весенних операций; 2. прибегнуть к системе вкрапливания или перемещивания добровольческих и казачьих частей, **дабы добровольцы могли за собой тянуть казачьи части, а казачьи армии могли бы оказать помощь добровольцам**. Меры эти генкварм считает необходимыми для удержания в рядах бойцов за единую Россию казачьи Войска с целью более скорейшего разрешения настоящей борьбы».

В этом коротком резюме генкварма Донской армии, как видим, авторитетно подтверждается, что действительно «переход границ области внес перелом в казачью армию». Это знаменательное явление было весьма показательным и предостерегающим для казачьих защитников борьбы за единую и неделимую Россию. На поддержку со стороны казачьей массы русские не могли рассчитывать. Только генкварм Кислов совершенно неправильно объяснял причину этого яв-

ления. Дело было не в непонимании «широкими слоями казачества необходимости борьбы за пределами области», а в совершенно ясном нежелании рядового казачества бороться за те идеи, которые преследовало русское белое движение, нежелание идти строить какою бы то ни было Россию.

Все основные постановления всех Донских Кругов 1917-1919 г.г. были выражением одной главной идеи — необходимости борьбы за государственную самостоятельность Дона. Казачья масса никогда не принимала и не усваивала той политической программы, которую ей навязывали казачьи верхи, свыкшиеся с мыслью необходимости борьбы за неделимую Россию. Нежелание казаков бороться за те или иные порядки в России очень выпукло и иногда болезненно проявлялось, как мы знаем, уже в 1918 г., когда Дон был очищен от красных войск. Осенью того же года потребовалось прибегнуть к проведению через Большой Войсковой Круг постановления о необходимости для Донской армии занять Лиски, Борисоглебск, Балашов, Камышин и Царицын, чтобы двинуть донцов за пределы Дона; пришлось, как видим, необходимость выхода их за пределы Дона подкреплять и утверждать волею всего Донского казачества через его прямых представителей на Большом Кругу.

30 июня 1919 г. Деникин подчинился Колчаку. Создалась видимость единой русской власти. Командующий Донской армией ген. Сидорин поспешил провозгласить свою и всей Донской армии преданность идее, носителями которой были Колчак и Деникин. Председатель Донского Круга В. Харламов делал все, чтобы Конференцию для создания Доно-Кубано-Терского государственного Союза перетворить в Конференцию для признания власти Деникина. Русские убили председателя Кубанской Рады Н. С. Рябовола. Кубанский Атаман Филимонов и военный министр Науменко, вместе с Врангелем и другими русскими и казачьими генералами, всеми мерами боролись против создания Кубанской армии. Верхи Дона — Атаман, председатель Круга и Командующий армией — всецело поддерживали Деникина.

Только часть кубанцев открыто защищала самостоятельность, поэтому вся ненависть, весь огонь русского устного и печатного слова был перенесен на эту часть кубанских политиков. Русская общественность не останавливалась абсолютно ни перед чем, чтобы запугать самостоятников, чтобы исклечить, задуть проявление самостоятельного духа в среде казаков, чтобы носителей идеи казачьей самостоятельности всячески очернить в глазах рядового казачества, чтобы заставить массу пойти на поводу у защитников единой и неделимой России.

Мы знаем, что настроение казачьей массы на Терреке, в конце концов, вылилось, в общем, в самостоятельных постановлениях Круга в начале июля 1919 г. Только эти постановления русские постарались замолчать, не заметить, не допустить их распространения.

Вслед за этим, в том же июле, на сцену борьбы выпукло выступила воля рядовой казачьей массы, в среде которой, после перехода границ Дона, наступил «перелом», замеченный даже на верхах Донской армии, склонных более поддерживать Деникина, нежели желания донских казаков.

Казачья народная толща переживала в это время глубочайшую, но безмолвную трагедию: она сражалась на фронте с организованными и хорошо вооруженными, управляемыми русскими офицерами, красными армиями народной России; сотни русских орудий, тысячи русских пулеметов и десятки тысяч русских ружей ежедневно вырывали из рядов казаков огромные кровавые жертвы; ежедневно казачьи полки хоронили своих братьев-бойцов, лавших от руки «братьев» русских; ежедневно в тыл увозились новые сотни раненых и искалеченных на всю жизнь казаков; эту живую, реальную, а не лелеянную в мечтах русской интеллигенции, захватническую Россию казаки видели ежедневно перед собою в тяжелых боях на огромном фронте русско-донских границ. А в это время с атаманского дворца, от президента Круга, из

штаба Донской армии неслись призывы к казакам о любви к доброму, богобоязненному, любвеобильному русскому народу, неслись призывы и приказы о походе «на матушку Москву».

Казаки не могли бросить борьбу и разойтись по домам, ибо «братские» штыки с трех сторон нависли над Казачьей Землей и несли ей кровь, разорение, насилие и порабощение... В то же время казачья масса, сбита с толку руководителями, не могла крикнуть бо всеуслышание: Долой руководителей Казачества, защищающих не казачьи интересы! Долой с обманом!...

В эти страшные времена у рядовой казачьей массы не нашлось сильных и смелых вождей — **самостийников**, под руководством которых казаки вымели бы русский политический мусор на верхах и железной стеной стали бы об'единенно на защиту Родной Земли, отбросив в сторону всякие призывы о «спасении России», о походе «на Москву» и тому подобные ненужные им и неосуществимые мысли. Казачья масса в то время осталась в действительности без вождей. С ней были доблестные командиры частей, переживавшие все ужасы боевой жизни и умиравшие рядом с простыми казаками от русских пуль, от русских штыков, от русских шашек. Но не эти командиры создавали «Московскую директиву», не они залавали основной тон казачьей политике.

Впереди казаков была вооруженная, наступающая Россия, позади — Родной Дон, а в глубоком тылу Атаман, Председатель Круга, Правительство, Командующий армией, все вместе подтягивающие Седой Дон к русской колымаге генерала Деникина.

Казаки и не собирались к походу на завоевание России, но не могли позволить русским снова завоевать Дон, как не могли идти за идеями Богаевских, Харламовых и Сидоринных. Поэтому в июле 1919 г. Донская армия стальной каймой опоясывала Донскую Землю несколько восточ. р. Медведицы или на самой этой реке на фронте Ст. Островская — Красный Яр, далее по р. Терсе примерно до села Елани, еще далее боевая линия проходила южнее г. Балашова, потом чрез Поворино, еще далее — примерно чрез Бутурлиновку, южнее Лисок и г. Острогоржска и

далее в общем на Новый Оскол. Если красные пробовали прорваться на Дон с востока через р. Медведицу, или с р. Терсы или со стороны Балашова-Новохоперска-Бутурлиновки, казаки весьма доблестно дрались и решительно не допускали русских на Донскую Землю.

В то же время ст. Лиски, г. Бобров и г. Балашов оставались в руках красных, хотя, нет никакого сомнения в том, что при существовавшем тогда соотношении казачьих и русских боевых сил на этом фронте донские казаки сами смогли бы разгромить Лискинскую и Балашовскую группы большевиков, как несколько позже Донцы разгромили 9-ю сов. армию, нахлынувшую на Донскую Землю, переступившую р. Хопер.

Казачья масса без всяких заседаний, без всяких съездов и видимых стоговоров установила свою, Донскую, казачью стратегию и тактику, которая решительно разошлась, как с политикой создателей «Московской директивы», так и с завоевательными стремлениями «красной» России. Ярко и выпукло проявлялась коллективная, народная воля Казачества. Дон был очищен от войск русских «красных», но казаки **не пошли** за русскими «белыми».

(Продолжение следует).

ПОПРАВКА

В прошлом номере «ВК», в статье «Трагедия Казачества» выралось несколько досадных опечаток, которые необходимо исправить:

1. При всех ссылках на «Записки» ген. Врангеля следует читать: или: «Белое Дело. Записки, т. 5» или «Записки, т. 1». Страницы остаются теми же в обоих случаях.

2. На стр. 13 вместо «генерал Егоров» (дело идет о командующем южным большевистским фронтом с 9-7 по 22-11 - 1919 г.) следует читать ген. Егорьев.

3. На стр. 15 и 16 вместо «Трех-Островная» следует читать «Островская» — согласно диаграмме 5-6 на стр. 15.

М. Еремиев.

Столетие первого издания Калевалы

(Финская народная эпопея).

Освободительное движение каждого народа тесно связано с его национальным возрождением, которое, в свою очередь, в большинстве случаев базируется, обыкновенно, на письменных памятниках прошлого, напоминающих утратившему независимость народу о его бывшей свободе и мощи или на произведениях национального литературного гения, сумевшего воскресить это прошлое в памяти народной.

Такую роль сыграл Данте в деле освобождения и объединения Италии. «Песня о Ролланде» — в объединении Франции. «Краледворская рукопись» — в возрождении Чехии. Хота Руставели — в сохранении грузинской самобытности и, наконец, Шевченко — в возрождении Украины.

Такая же роль принадлежит «Калевале» и ее бессмертному создателю Елиасу Ленроту в деле возрождения и освобождения Финляндии, которое совершилось уже на наших глазах.

Великая финская раса, которая около X-го столетия нашей эры владела обширным государством, простиравшимся от Балтийского моря до Ледовитого океана, атакуемая двумя могучими соседями — шведами с запада и Москвой с юга, не могла выдержать натиска и в 1323 году по Шлиссельбургскому договору была ими разделена на две неравные части. Большая отошла к Швеции, а меньшая к Княжеству Московскому. С того времени эти два государства в течении почти 500 лет бесперывно боролись за обладание Финляндией. Окончательно победа осталась за Россией. В

1808 гду Александр 1-й аннексировал всю Финляндию и присоединил ее к своей империи, на основах довольно широкой автономии.

В этой титанической борьбе Финляндия потеряла не только свою независимость. Как это почти всегда бывает с побежденными народами, она потеряла весь свой просвещенный класс и ее культурное развитие почти остановилось, т. к. высшие слои мало по малу шведизировались, русифицировались или германизировались.

Таким образом, к моменту появления на национальной сцене Елиаса Ленрота нации, как таковой, почти не существовало и остатки финской культуры сохранились только среди крестьянства.

Елиас Ленрот, сын портного из Карели и доктор по образованию, побуждаемый как патриотизмом так и влечением к литературе, собирал в течении долгих лет старинные финские легенды и песни (руны) и 28 февраля 1835 года издал их на финском языке под названием «Калевала».

Следует отметить что упадок финской культуры в тот момент дошел до такой степени, что книжка Ленрота прошла почти не замеченной и только второе ее издание 1849 года, которое совпало с сильным национальным и политическим движением в целой Европе, получило заслуженную сценку. Тысячи молодых людей почувствовали себя финами, отказались служить чужим культурам и начали работать на народной ниве, что, как известно, закончилось освобождением Финляндии

после Великой войны. Сегодня, через сто лет после появления, или, вернее, создания «Калевалы», можно, с большой долей вероятности, сказать, что без этой книги нынешние финны были бы или шведами или русскими, по крайней мере с точки зрения европейской политики.

«Калевала» не представляет собой исторический эпос, как «Иллиада» или «Слово о полку Игореве». Это собрание старинных народных легенд, изложенных в красивой былинной форме и не относящихся к определенному историческому периоду, но дающих прекрасную картину быта, нравов и психологии древних обитателей страны.

«Калевала» начинается с легенды о сотворении мира, единственной по своей оригинальности и по поэтической концепции, оставляющей далеко позади аналогичные легенды иных народов, но главное место в ней занимает описание борьбы между народом Калевалы (народом света) и Похьолы (народом тьмы).

Герои «Калевалы» едут в страну тьмы искать себе невесту. Знаменитый чародей и певец Вейнемейнен получает отказ, а его брат, знаменитый кузнец Ильмаринен делает по заказу коротыги Похьолы таинственное «Сампо» (талисман, приносящий счастье) и получает руку королевы. В следующей песне герои возвра-

щаются в Похьолы и похищают «Сампо», которое во время борьбы разбивается, что приносит всем несчастье. Кроме вышеуказанных в эпосе лиц, там фигурируют: Лемминкайне — веселый, беззаботный певец, боец и гуляка, и Куллерво, носитель темных сил, вроде скандинавского Локи.

«Калевала» переведена на многие иностранные языки, в том числе и на русский. Прекрасный русский перевод, с сохранением размера, принадлежит перу П. Вейнберга. Вышел он в роскошном иллюстрированном издании в начале девятисотых годов.

«Калевала» лишний раз свидетельствует о том, что национальное возрождение каждого народа начинается с рождения и расцвета своей литературы.

Не представляет в данном случае исключения и Казачество, буйный рост своей литературы у которого мы видим сейчас по журналу «ВК».

Национальная литература, раз родившаяся, не только сама никогда не умирает, но не позволяет умереть и своему народу. Это она осяцает и одухотворяет народ на борьбу за свое национальное освобождение, за свою самостоятельность, за свое национальное будущее.

П. Поляков.

Казачество и выборы Донского Атамана

Для того, чтобы лучше уяснить себе создавшуюся обстановку и, следовательно, ища из нее выхода, прийти к правильным выводам, мы должны, прежде всего, окинуть взглядом наше недавнее прошлое, всмотреться попристальнее в портреты наших бывших водителей, подытожить еще раз все сделанное за последние 20 лет и, таким образом проверив снова и снова наши положения, поставить точки там, где им стоять должно.

Российская революция 1917 года поставила ребром Гамлетовский вопрос Казачества: быть или не быть?

В таком виде, в каком существовало Казачество в границах Российской Империи, поддерживаемое лишь для целей внешней обороны и внутренней полицейской службы, оно, естественно, долго оставаться не могло.

Исторический ход жизни России, как единой страны, вел Казачество к расказачиванию.

На одной и той же земле, под одним и тем же небом не могут жить рядом две совершенно различные группы данного государства. Должен напомнить, что я намеренно оставляю в стороне право Казачества на самостоятельность, его особую психику, его не русскую кровь, словом все то, что делает его **народом**, и намеренно рассматриваю его всего лишь как известную группу людей, населяющую часть территории и обладающую какими-то «правами и привилегиями».

Уничтожив совершенно вольности казачьи, Россия намеренно оставила Казачество в таком виде, в каком застаем его мы до революции. Не успев ликвидировать земельные «поблажки», сохранив Казачье имя, и видимость местного в станицах самоуправления, правительство создавало, с одной стороны, верных для себя слуг, с другой — пугало для вечно голодавшего, лопатом хлебавшего «шуги» и зарившегося на помещичьи и казачьи земли «кваньки».

Divide et impera — разделяй и властвуй — старый добрый принцип оказал и здесь свою помощь. 1905 год искусственно, казачьими руками, продлил жизнь династии и окончательно восстановил мужицкую массу против Казачества. И когда в 1917 году «Христолюбивое воинство» полезло на крыши вагонов, чтобы ехать «делить землю», Казачество растерялось.

Почувствовав, с одной стороны, что уничтожение 300 летнего рабства сулит и ему лучшие дни, оно, с другой стороны, испугалось за свое будущее, за свои земли, за свое на них «исконное право». «Казачество должно потесниться» — гремел министр вр. правительства из Петрограда; «Твое, мне — Богово» — хитрили

в начале революции мужички, боясь радикальнее высказать свои надежды.

Время летело и вскоре революция прямо и без обиняков задала Казачеству давно, в веках готовившийся, вопрос:

— Жить хочешь?

На этот вопрос ответ нужно было дать незамедлительно.

И когда, одурманенное в первые месяцы революции, теря советскую власть, Казачество испытало на своей шкуре, что эта власть из себя представляет, поднялось. А когда, пойдя за широким народным чутьем, оно декларировало отделение от России — путь был счастья найден, дальше шла лишь тяжелая работа по постройке Казачьей страны.

Задачей этой статьи не является подробный разбор причин, по коим мы оказались здесь, за границей, а Казачество в плену. Это достаточно известно из «Вольного Казачества».

Достаточно лишь еще раз подчеркнуть, что главная этому причина — подчинение Казачества русским водителям, поведшим его за единую неделимую на Москву, к реставрации прошлого. И ничего нет удивительного в том, что только что получивший надежду на хорошую жизнь мужик спихнул в море всю генеральскую шелуху, несшую ему царей, помещиков, старую, вчера лишь выгнанную, династию.

Как сказал один кубанский парламентарий, у казаков не нашлось в то время ни одного действительно своего генерала. А кто же в те времена и мог водить стволы, как не генерал! Воспитанные с измалства в подчинении старшим и строжайшей дисциплине, казаки должны были проиграть свою национальную войну для того, чтобы убедиться, что генеральские погоны в большинстве случаев никоим образом не являются патентом на ум, честь, и добро совестность и политическую прозорливость.

Генеральские погоны из казака делали слугу, из сына своего отчества делали мелкого подлизу, с тысячу ухищрений старавшегося убедить всякого казака, что рожден он матерью и Господом создан не как все остальные люди, а лишь для того, чтобы служить, выслуживаться и есть глазами начальство.

Результат генеральского воспитания был подведен в Константинополе. И когда наши генерал-атаманы поругались с Врангелем и Об'ед. Совет Д. К. Т. отошел от «главного командования», это отнюдь не следует считать проявлением реакции в их казачьих душах. Это ни что иное, как междоусобная свалка

между своими, а поелику это относят на счет политики Казачества — маханье кулаками после драки.

И здесь, официально отойдя от русского командования, с кем-то что-то «спорвав», наши генералы снова пошли в услужение. Та казачья масса, которая на своих плечах вынесла вооруженную борьбу, которая и морально и территорией своей пожертвовала для войны всем, оказалась в эмиграции подчиненной во всех отношениях русским.

Ни документов, ни работы, ни пособия, в Югославии, например, нельзя получить без каких-то «военных агентов», «уполномоченных» и т. д.

Здесь одним ударом господина генерал-атаманы убили двух зайцев. Казаки, мол, за «единую». А кто не за единую, пусть попробует. Ни документов ему, ни работы, ни помощи.

И если в потере войны мы можем упрекнуть наших водителей, если в гибели наших родных, пленении наших земель и уничтожении несметных казачьих богатств виноваты только они, то за их над нами властвование здесь — вина наша собственная, плод нашей трусости и нашего, видимо еще далеко не выветрившегося, «генеральского воспитания».

Делая же общие выводы из опыта революции, войны и эмиграции, мы, вольные казаки, можем указать на следующие результаты генеральских над казаками экспериментов:

1. Проигрывать нами войны.
2. Там Казачество поставлено под угрозу уничтожения.
3. За границей казаков снова подготавливают роль пушечного мяса при создании той же «неделимой».

В отдельной группе людей, отдельном обществе и, распригая, в народе и нации лучшими людьми принято считать тех, кто не подвержен стадному началу, кто не прячется в общую кучу, кто не трус, не подхалим, не молчаливик.

Так было во все времена у всех народов.

Таких людей и у нас, казаков, было много. Между ними первое место принадлежит Булавину и его сподвижникам. Имена: Степана Разина, Емельяна Пугачева, Ермака, Грузинова и многих других лишний раз свидетельствуют нам о том, что и у казаков были люди, боровшиеся за лучшее будущее, за идеалы своего народа.

Каждый народ имеет своих лучших сынов, памятью коих гордится перед другими.

И у каждого народа есть выродки, есть предатели и изменники.

В истории многих народов записаны их имена на посрамление и пример потомству, чтобы знало оно, как поступают те, кому не дорога родина, кто не любит народ свой, кто способен продать его первому встречному. И здесь мы, казаки, к беде и горю нашему, тоже весьма богаты. После трагической смерти Атамана Булавина, вплоть до нынешних дней, в каждом поколении казачьем находим мы ряд имен лиц, для которых главной целью, главным устремлением были интересы, чуждые Казачеству, которые стремились заковать его в службе чужому барину, продать его волю, его земли, его самостоятельность.

И за это получали они шубы, звания, чины, земли, дворянство, погоны — словом, все то, что во многих случаях, оказывается способно заглушить голос казачьей совести.

Из бедных хуторов своих попадали они в расписные Московские хоромы и там, ослепленные блеском золота, собранного с трудившихся миллионов рабов, забывали и о степной славе, и о степном праве.

И таких у нас много было. Очень много.

Но, слава Богу, иные идут времена, идет и на них перевод.

И когда возникал вопрос о том, что лучше для Казачества и где ему быть должно, — они, эти люди, всегда оказывались «выразителями желаний», «печальниками» и «радетелями»...

И им, только им, обязаны мы нашим здесь пребыванием.

Отвергнуть возможность жить самостоятельно, принести сотни тысяч казачьих жизней в жертву всегда охочей до крови Москве и, постыдно проиграв дело борьбы, бежать и снова предовать на какие-то посты и водительство, обыкновенный смертный, просто честный человек, — не может.

Нужно быть слишком развязным, слишком ограниченным, самонадеянно не умным, чтобы, будучи причиной всех зол, или одним из соучастников преступления, не уйти от людей, не отмалчивать грехи и каяться, а где-то выступать, писать какие-то письма, кого-то чему-то учить.

Все это я, конечно, целиком отношу к нашей казачьей старшине, к тем «старейшим казакам», которые собрались в Париже и, особенно подчеркнуто, адресуя господам: Краснову, Абрамову, Граббе и иже с ними.

Донской Войсковой Атаман Африкан Петрович Богавский умер. Умер Атаман, вдовивший вывращенное его Войско по прихожкам Деникина и Врангеля; умер Атаман, сознательно поправший законы своей страны; Атаман, по чьей вине — пути Господни неисповедимы! — может навсегда погибнуть Дон; умер Атаман, под чьим атаманством, как вода в решете, уплыли несметные донские богатства; казна войсковая, все, все — вплоть до золотого перначка.

И вот, в Париже, инициативой одного из «радетелей», собираются господа «выразители чаяний» и, за малочисленностью своею, друг друга вежливо назначают в кандидаты.

Влез и сам романистический и — согласился на кандидатуру. Как и 17 лет назад, махнул он было речь собравшимся с рецептом спасения, но, позднее, почему-то пердумал и баллотироваться отказался.

Я позволю себе сделать небольшую экскурсию в прошлое, напомнить кое что о г-не Краснове, чтобы, имея о нем полный и ясный материал, казаки могли судить и о нем, и о тех, для кого он до сего времени кое что значит.

12 февраля 1918 года есаул Голубов, ворвавшись в Новочеркасск, разогнал Донской Войсковой Круг. Каледин, Назаров, Волошинов погибли. Генерал П. Х. Попов ушел в Сальские степи.

Советская власть воцарилась на Дону и через Юрия Саблина заявила:

1. Казачество должно быть уничтожено.
2. Беспощадная борьба со всеми верхами Казачества, путем поголовного их истребления.
3. Проведение массового террора против богатых казаков. Истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор вообще над казаками.
4. Переселить на Дон крестьянскую бедноту.

И вот:

«По всей Области, без предварительногоговора, начались в разных местах восстания казаков... И всюду одна картина. Появляется небольшая группа, дружины, советы, связываются, объединяются, растут численно... Это движение и по способу и по времени возникновения в самой гуще казачьего населения, по аналогичным методам действия, по порыву, воодушевлению массы — является стихийным народным движением. Нет вождей с громким именем... нет штабов... разработанного плана (Донск. Летопись, 3, стр. 8).

«Но несмотря на все невыгодные условия предстоящей борьбы, в душе казака любовь к своему краю была настолько сильна, что победила сомнения... (там же, стр. 20).

«Из глубины вековой казачьей истории, как будто ожили тени гордых бойцов за казачью честь, за волю волюшку и веру православную...»

И по призывной Донской степи словно ожил грозный клич Кондратия Булавина: «За Волю Казачью, за честь свою неподкупную, за веру православную поднимайтесь, Атаманы-молодцы, Верховые и Низовые казаки»...

И не выдержало сердце казачье...» (Там же, стр. 22).

Черкасский округ восстал весь. К нему стали присоединяться станицы 1-го Донского округа. Казаки

ищут водителя, человека извещного и, конечно, генерала.

В станице Константиновской, под немецкой фамилией, давно уже скрывается генерал Краснов, забежавший на Дон после того, как ему не удалось «испужать» Петербург...

Депутация от казаков ст-цы Константиновской, Раздорской и 9-го полка, во главе с бывшим Войсковым есаулом Сиволобовым, отправляется к Краснову и просит его взять на себя руководство восставшими казаками.

Генерал Краснов крайне грубо встречает депутацию:

«Я казакам не верю и никакого дела с ними иметь не желаю», заявляет он пришедшим.

Казаки ушли.

Но народное восстание ширилось и росло. Вся черная, ответственная работа легла на вахмистров, хорунжих, сотников, атаманов станиц. Зигзаги тогда нигде почти видны не были.

Вскоре на три четверти Дон был освобожден.

29 апреля в Черкасске начинаются заседания Круга Спасения Дона. Начинают поговаривать о том, что нужно на Дону вручить власть одному лицу, лицу извещному, которое бы, как Войсковой Атаман, взяло всю судьбу казачьей борьбы в свои руки.

Узнав о том, что делается в Новочеркасске и что там говорят, из ст-цы Константиновской появляется генерал Краснов.

Все свои способности красноречия вложил он в речь, сказанную перед Кругом.

Демагогия широкой волной захватила безхитро-стные сердца бойцов, уже давно, с оружием, бьющихся за свою Донскую Землю.

Генерал Краснов понял, к чему стремится Казачество, видел, что только клич чести и свободы, клич независимости поднимет и всколыхнет Дон.

И генерал Краснов великолепно рассчитал внешние эффекты.

3 мая 1918 года, в вечернем заседании Круг выбрал его Войсковым Атаманом.

Как смотрел на Донской В. Круг избранный им Краснов, лучше всего видно из того, что он писал о нем позднее:

«Дон лежал в обломках... К этому привела работа Кругов... И Каледин и Назаров боролась с их постановлениями... коллектив разрушал, но не творил... Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников»...

Круг разрушал...

Круг, который довел восстание до конца; Круг, благодаря которому, антибольшевицкая борьба приняла широкий народный характер; Круг, состоявший из тех, кто не отсиживался, выжидая, куда дело повернет, а сам, открыто, с винтовкой в руках, пошел на борьбу и смерть.

Что же касается слов Краснова о взаимоотношениях Круга с Назаровым и Калединым, — их следует считать, как обыкновенную клевету, т. к. никогда в такой мере, как именно при них, не было меж атаманами и Кругом более тесного сотрудничества.

Генерал Краснов был против Круга, как коллектива; генерал Краснов, будучи избран этим Кругом главой самостоятельного государства, идя в разрез с желаниями Круга, в личной своей работе, на которую он получил доверие от казаков, — повел Дон к реставрации, к монархии, на Москву.

Сторонники генерала Краснова приписывают ему большие организаторские способности. Он, говорят они, создал молодую армию.

И действительно, Дон гордился, глядя на своих сынов, когда на параде у Собора опытные глаза старых воинов не могли заметить ничего, что бы отличало молодые полки от полков старых.

Да, это было так. Новая Донская армия была великолеплна.

Но, скажем мы от себя, причем же здесь генерал Краснов?

Он в этом деле столь же заслужен, как и в деле

освобождения Дона от большевиков, произошедшем до его атаманствования.

Стихийно, от земли, от рек, от травы и воды поднялся Казачий Народ «за честь отчизны, за казачье имя». Стихийная, народная сила выпнала врага со своей территории и когда отдав был приказ о молодых, о том, что из них будет создана своя, Донская Армия, все поголовно, кто подлежал призыву, откликнулись.

Не было ни одного куреня в котором был молодой казак, где не седлался бы конь; не было ни одной матери, которая не благословляла бы сына на борьбу с нехристями; не было ни одного отца казака, который бы не помог сыну напутствием и благословением на борьбу. Глубокие народные, повторяю, стихийные силы Казачества создали молодую армию и если и говорить кому спасибо, нужно говорить его тому великому Казачьему духу, жертвенности и любви, которым так был силен тогда Дон.

Молодая Армия — плод подема, который тогда овладел Доном, плод горячего желания казачества освободиться от Московского ига. Что это именно так, мы позволим себе привести пример, когда Краснов занимался организацией еще одной «Армии», духовным руководителем которой он был вплоть до ее бесславно-го конца. Это так называемая «Южная Армия».

Донские казаки освободили Богучаровский уезд. В этом уезде и началось формирование «Южной Армии».

Дело закипело. Генерал Краснов назначил некоего, именовавшего себя генералом, а позднее оказавшимся полковником, Семенова начальником 1-й дивизии будущей армии Воронежским генерал губернатором. Кадр новой дивизии насчитывал 16-20 человек.

Начальник дивизии все время болтался между Новочеркасском, Харьковом, Киевом и Чертково, предусмотрительно храня деньги «армии» в собственном чемодане.

К концу октября из Киева приехали кадры для 2-й дивизии и генералом Красновым командиром этой армии был назначен генерал Н. И. Иванов. 26 октября в количестве 3000 штыков «армия» выступила на фронт, заняв линию деревень Калиновка, Митрофановка и Софиевка.

В тылу эта армия располагала следующими управлениями и учреждениями:

1. Штаб Южной Армии.
2. Управление инспектора артиллерии.
3. Управление санитарного инспектора.
4. Управление нач. снабжения.
5. Штаб Воронежского корпуса.
6. Штаб 1 пехотной дивизии.
- 7-8. Два бригадных управления.
- 9-12. Четыре полковых штаба.
- 13-15. Уп-ие к-ра арт. бригады и двух батарей.
16. Штаб 2-й пех. дивизии.
- 17-18. Два бригадных управления.
- 19-23. Пять полковых штабов.
- 24-26. Три штаба кавалер. полков.
27. Управление конно-арт. батарен.
28. Уп-ие авиационного отряда.
29. Уп-ие железнодорожн. батальона и самый батал.
30. Кадр броневых частей.
31. Уп-ие контр-разведки.
- 32-37. Шесть этапных управлений.
38. Полевой лазарет № 1.
39. Кадр полевого лазарета № 2.
40. Полевой госпиталь.
41. Артиллерийская мастерская.
42. Расходный инт. магазин.

Или, другими словами, имея на фронте 3000 бойцов, армия в тылу имела на довольствии 20.000 ртов!!

Донцы заняли Лиски, «Южной Армии» следует наступать. Телеграмма-приказ посылается генералу Семенову.

Но не судьба была, видимо, отличиться этой «армией». Как на зло, в день наступления, один из полков «армии» празднует полковой праздник.

Г.г. офицеры и доблестный командир выпили и... проспали двое суток.

А когда, опохмелившись и придя в себя, 10 ноября генерал Семенов полез зачем-то в карман, там оказалась телеграмма, приказывавшая ему 8-го числа преследовать противника, разбитого донцами у Лисок.

Генерал икнул и приказал наступать.

Его не только не предали суду, не только не назначили над ним расследования, но дали ему... отпуск.

Генерал покапил на отдых в Крым, захватив 3 1/2 миллиона казенных денег. За ним исчезла и вся конт-

разведка «армии», занимавшаяся поркой мужиков, водворением помещиков, реквизициями и прочими художествами.

В 1919 году Семенова обнаружили в Росотве, но и здесь сей русский герой скрылся и канул в неизвестность.

Армия же постепенно дезертировала в одиночку и целыми полками и, наконец, расплылась. Не помог и столь любезный Краснову лозунг «вєра, царь и Россия», носителем которого была эта «армия».

Так закончила жизнь армия, бывшая во всех отношениях воплощением «творческого» духа и результатом организаторских способностей генерала Краснова, желавшего обязательно собственноручно посадить в Москве русским «царька» и из-за конкуренции в этом вопросе жившего на ножках с так близким ему по духу Деникиным.

Чтобы, наконец, иметь полное представление о Южной армии, приведем мнение самого генерала Краснова о генерале Иванове, которого он назначил ею командовать:

Пережитые им потрясения, говорил Краснов, несколько расстроили его умственные способности...

Чем же думал Краснов, назначая командующего армией с расстроенными умственными способностями и каковы эти способности у него самого, пусть судит беспристрастный читатель.

Имея теперь полную картину «выдающихся» организаторских способностей генерала Краснова, я хочу остановиться еще раз на одном эпизоде весьма хорошо характеризующем этого человека.

20 августа Войсковой Круг имел суждение по поводу газеты «Донской Край», которая редактировалась И. А. Родионовым и вела яростную монархическую пропаганду.

Круг был настроен радикально и потребовал смещения редактора газеты. Генерал Краснов выступил с речью, в которой, защищая свою двойственную политику и Родионова, между прочим сказал:

«Народ прислушивается к тому, что делается на Кругу и... шатается войско, ибо не верит власти»...

Обвинив таким образом Круг в расшатывании власти, отстаивая монархическую пропаганду в столице Дона, Краснов, видимо, совершенно забывал, что он сам писал и говорил раньше: «Спасали Россию и от француза, и от турка, держали порядок в России и русский народ звал нас в благодарность за это палачами, опричниками, нагаечниками»...

«Сидели у нас на Дону наказные атаманы из России»...

«Царский режим — тяжелая повинность»...

Все эти собственные слова забыл Краснов, а когда увидал, что никакими речами Круга не сломить, он тут-же, на заседании, бросил на стол золотой атаманский пернач и... хлопнул дверью.

Такое обращение со священной эмблемой власти, столь торжественно врученной ему Кругом, тяжело отозвалось в сердцах казаков.

Генерал, как самодур купец, хлопает дверьми и стучит, забывая, что хозяин Дона — Круг, а он, генерал, этого хозяина — слуга...

С того времени престиж Краснова неуклонно падает и когда на одном из заседаний Круга он пытается заслонить собою катящихся под откос генералов Денисова и Полякова, — ставит вопрос о доверии. — Круг тяжелым молчанием принимает и его и Полякова с Денисовым отставку.

Суммируя все, что делалось при Краснове, вот что пишет в 3-м томе Донской летописи Каклюгин:

«Генерал Краснов — ...типичный выразитель реставрационного направления. При нем шла открытая проповедь восстановления самодержавной монархии... Южная армия... вызывала бунты... Под его (Краснова) покровительством группировались крупные земледельцы... Велась борьба с городской и кооперативной демократией... Он... обострял отношения с Войсковым Кругом, давал в руки большевиков козырь для обвинения казаков... Вызывал недоверие к казачьей власти... Разрушал на Донском фронте веру в победу... Делал тщет-

ные попытки повернуть колесо истории... от революции к реставрации и реакции.

Если мы примем во внимание еще и то обстоятельство, что генерал Краснов всю свою жизнь провел в «высших» российских сферах; если вспомнить, что познакомился он впервые с казаками гуляя «с нянькой, кронштадтской мешанкой, по Загородному проспекту в Петербурге» там, где «мечтою детских дней стоит пожарный... в медной каске», нам будет понятно все, вплоть до письма его к «Родным донцам» после смерти Богаевского.

В этом письме, расчитанном, видимо, на исключительно глупого читателя, Краснов ухитрился вставить даже такую фразу: «Править казаками может или выбранный Донской Атаман, или наказной Атаман, поставленный высочайшею властью государя императора». Что править Донскими казаками может выборный Атаман, нам известно, но известно нам также и то, что в продолжении всей своей истории, от Булавина до наших дней, Дон только и делал, что боролся против наказных атаманов.

Это Краснова не смущает.

Да и как может он смущаться, если до нынешнего дня он не понял, что «Царька» Россия сама зверски убила и выкинула в старую шахту, и что звать казаков сакать в России «царька» снова — тягчайшее из преступлений перед переполовиненным из-за «царька» же Казачеством.

Вот каков был и каков есть генерал Краснов.

Все это напоминаем еще и для того, чтобы тень этого человека в достаточной мере упала и на всех, кто с ним «уस्ताв бороды», выдумал на заседании в Париже обращение с пунктом 2*), из которого явствует, что самостийники донцы права голоса при выборах Атамана — не имеют.

Прецедент в истории Казачества все еще неслыханный и беспримерный. Забавнее всего то, что из числа подписавшихся под этим есть и лицо, которое не так давно писало автору этих строк и называло себя также самостийником...

Казачья старшина...

Генерал Граббе соглашающийся быть **выбранным** в... наказные атаманы! «Самостийник», подписывающий лишение права голоса тех донцов, которые с царем, но — в голове!...

Генерал Алпатов — младоросс, восхищающийся советскими достижениями!...

Казачья старшина...

Она снова повела бы казаков на смерть за чины; на Москву — за барские ласки; на гибель и уничтожение — за царские подачки!

И прав был Атаман Булавин, заняв Черкасск, в первую голову перевешал старшину или «посадил в воду» за то, что она, с одной стороны, заверяя царя Петра в верности и борясь с Булавиным, с другой, через Зершину, Поздеева и Л. Максимова, вела с ним тайные сношения. (См. И. С. Чаев, Булавинское восстание, Москва, 1934).

Старые приемы подлого двуличия, затемнения мозгов, демагогии и продажности — вновь налицо.

Мы это великоколепно видим, учитываем и понимаем и не «Лиге Возрождения» уговорить нас в пользу графа тем, что он «в Лигу Наций напишет», что он, во время удрав, «сам хорошо обеспечен» и даже, ах какая он душка! — иностранные языки знает и в хороших домах принят!...

Казачество, его интересы для нас — святая, как святая и его право на степи без барина, без указки — своим присудом жить, кланяясь лишь Богу в небе и служа лишь Степи-матери.

Слава Казачеству!

Да здравствует Казакия!

* Пункт 2 — (принимать участие могут): — «объединения политические, собравшие казаков по принципу устремления к той или иной идее создания будущей жизни России... и т. д.

Донская старшина

Сейчас, в эмиграции, у всей донской старшины и у немногих оставшихся «русских казаков» сложилось такое убеждение, или вернее мнение, что если дело идет о жертвенности России, то они говорят: мы, мол, костыми ляжем за эту Россию; нас сила! Правда, есть у нас, в эмиграции, среди Казачества, самостоятельное течение, но их мало, они не популярны. — Это верно. Они, т. е. вернее мы, вольные казаки, не популярны. Но где? если в России, среди русских, то мы популярности там и не ищем, она нам там и не нужна. А если речь идет о казачьей эмиграции, то мы видим на примере, как сейчас старшина осталась одна у разбитого корыта, выбирая себе Атамана.

А разрешите спросить: где же «серая казачья масса»? Почему она не желает принимать участие в выборах? Ответ на это очень простой. Вся казачья масса, за малым исключением, находится в рядах Вольного Казачества, в рядах казаков националистов, тех казаков, для которых Казачество прежде всего, для которых Казачество — святое святых.

Почему же казаки бросили старшину? — Да потому, что давно убедились, что за 15 лет эмиграции она ничего не сделала для казаков. Мало того, она сама запуталась в трех соснах.

Донская старшина сама себя выбирает в комиссии, подкомиссии, в кандидаты и все топчется на месте, ни шагу вперед.

В листке, присланном мне «Лигой возрождения Казачества» была заметка на счет нас, самостоятников, что вот, мол, молчат и не хотят принимать участия в выборах, а только других критикуют. Даже на басни перешли: «чем кумушек считать трудиться» и т. д. Нет, господа из «Лиги умертвление Казачества», кумушек считать мы не трудимся, потому что они нам не нужны, а на себя оборотиться можем и знаем какая у нас есть сила в вольно казачьих рядах. Скажу вам прямо: последнее слово за нами и мы его скажем на Большом Круге вольных казаков.

Графа Граббе, Казем-Бека, Тарасенкова и др. мы в казаки не приписывали, оставляем их для вас, может быть они будут вам полезны, мы же их пользу для Казачества знаем. «Замутили они славу воли бсй-

цов, седины старика оскорбили. Плачет Дон... Его славных сынов, удалых казаков, приписные теперь заманили»...

У нас есть славные казачьи патриоты, которые борются за все казачье, за свою самостоятельность, за свое казачье бытие, чтобы жить нам только по казачьему. Нам опекунов не нужно. Довольно, что они нас спекали в течении двухсот лет. Мы отлично знаем тех опекунов, которые целовали Святой Крест и Евангелие, клялись служить Казачеству, а потом швыряли пернач, этот символ казачьей власти и гордости, и дошли до того, что сами занялись... коммерцией. Сотни казаков безработных в нищете и голоде скитаются на чужбине, а они открывают банки, имеют собственные автомобили. Они за 15 лет палец о палец не ударили. Что сделали они для престарелых казаков, которые мрут в иностранных бсадельях раньше времени? Была войсковая казна — они ее растратили, а на какие нужды? на казачьи? — нет, на свои собственные. До казачьих им дела нет, казаки им были нужны для освобождения Москвы, той Москвы где плсщадн полнты кровью лучших казачьих патриотов...

Довольно. Настала пора самим казакам о себе позаботиться, а чтобы не повторилось то, свидетелями чего мы были, то мой совет, мой призыв казака: Казаки! становитесь под знамена Вольного Казачества, если для вас дорого и свято все то, что дали нам наши предки.

«Кровь наших прадедов, братьев погибших
Кости в бесчестных могилах степных —
Все это жертвы безумно любивших...
Аль позабудем и их?..»

Нет, мы не имеем права забывать того, за что была пролита кровь. На этих костях и крови построена новая, молодая, сильная и спаянная казачьим духом и любовью Казакния.

Слава ей на веки, а она лучезарная, как солнце, да не угаснет!

Атаман вольно-казачьей станицы в Крезе

Михаил Белов

На предвыборном собрании

24 февраля с. г. «Общество ревнителей Казачества» в Париже устроило открытое собрание, как говорилось в повестке, «Посвященное выборам Донского Атамана»: «Все, начиная от генерала и кончая рядовым, начиная от самого старого и кончая младшими приглашаются прийти и свободно высказать свое мнение по атаманскому вопросу».

Собралось человек до 50. Вступительное слово говорил предс. о-ва есаул Трофимов. Нового ничего г. Трофимов не сказал. Говорил о той обстановке, какая создалась после смерти ген. Богаевского, а так-же знакомил собравшихся с работой донской старшины, которая пытается захватить место Донского Атамана.

Во время слова г. Трофимова то и дело несутся с мест реплики, порой не весьма лестные по адресу упоминаемых в слове лиц (Мельникова, Маркова и др.).

После перерыва, «для обмена мнений» выступает донской казак И. Ф. Текутов (член правления Бийанкурской общеказачьей станицы), который высказал «мнение», какого, очевидно, организаторы собрания совсем не ожидали.

— Вот вы, обращаясь к Балинову, Жукову и Трофимову, говорит станичник Текутов, на протяжении долгого времени, особенно вы, Шамба Балинов, сотрудничали в журнале «В. К.» и звали нас в ряды вольных казаков к Билому и распинались, что только у него правда казачья, что только там спасение Казачества. А теперь?— теперь вы говорите, что у Билово плохо, а хорошо у вас. А завтра уже от вас отколется ктонибудь и тоже будет звать к себе. Пока Бильий

плахит вам деньги, так он был хорош и все хорошо было у него. А теперь, когда у вас создались с ним денежные счета, стала там плохая идея.

Трофимов: — есть и денежные счета.

— Вы — продажные шкуры, а не казаки националисты. Больше никаких мнений у меня нет.

Переглядываются между собой члены правления «общества ревнителей». Шумит аудитория; одобрительными аплодисментами провожают на место станичника Текутова.

Старик Устюков говорит о том, что он прослужил «паризме» 27 лет, ну, а теперь, коли нету этой самой «паризмы», то нам, казакам, нужно служить только Казачеству и выбирать атамана такого, чтобы он был казачом и заботился о казаках. Дело это наше казачье и не нужно, чтобы сюда мешались посторонние люди, как младороссы с своим Казем-Беком. Вот калмыку Харда-Бурда (обращается в сторону Балинова) тут тоже делать нечего.

— Я не Харда Бурда, а Шамба Балинов, отвечает Балинов.

Старик Устюков невозмутимо кончает: ну и тебе здесь делать нечего.

Выступление Устюкова вносит достаточно веселья и собравшиеся то одобрительно смеются, то требовательно настаивают не перебивать старика. То и дело подымаются со своего места Трофимов или Жуков, призывая к порядку и даже угрожая вывести из зала тех, кто не соблюдает тишины. Делались попытки поз-

вать даже хозяина кафе, но всякий раз собравшиеся не давали строптивых в обиду.

М. М. Колесов, спокойно говорит о тех исторических свидетельствах казачьего прошлого, об исключительной храбрости и мужестве казаков. Он указывает на современного русского военного писателя проф. Головина, который свидетельствует, что казаки во время войны почти не сдавались в плен. Везде и всюду заметна была казачья спайка и Казачество должно проявить эту спайку и в вопросе выборов Атамана, но такого, который был бы Донским Атаманом, а не слугой Москвы...

Выступление лиговца **Желтухина** сразу меняет атмосферу собрания. Он заявляет, что был крайне удивлен, узнав о том, что «О-во ревн. К-ва» тоже решило принять участие в выборах Донского Атамана. Удивление мое, говорит он, возросло еще больше, когда я прочитал циркулярное письмо, разосланное обществом своим членам, где настоятельно рекомендовалось воздержаться в какой бы то ни было степени от участия в выборах. А теперь, видимо, что то изменилось. Кто на вас оказывает давление? Что случилось после тех отказов, которые не раз высказывались вами. Почему вы вдруг снова решили принять участие в выборах?

— Это не выборы, не обсуждение кандидатур, — это обмен мнений, поясняет Трофимов, но это никого не удовлетворяет.

Дальше Желтухин рассказывает о каком то разговоре, имевшем место среди «ревнителю», где Трофимов сказал, что если бы у него была сила, то он занял бы Атаманский дворец и оттуда продиктовал бы свою волю. Смех и шум покрывают слова оратора.

— Вот вы (указывая на Жукова Трофимова и Балинова) обвиняете нас в том, что мы, «Лига возрождения Казачества», пошли к Краснову и что он был наш кандидат. Да мы, действительно, говорили с Красновым, но раз Краснов не может отказаться от своего русского патриотизма, то мы и оставили его в покое, а выдвигаем кандидатуру графа Граббе... Поведение же ваше для нас совершенно непонятно: то Балинов ушел из состава комиссии, то теперь вы снова продолжаете какую то непонятную игру.

— А чаво там было делать в этой комиссии капынку Балинову? Кричит снова дед Устюков.

Балинов нервничает, председатель старается водворить тишину, которая то и дело нарушается.

Балинов, которому предоставлено слово, из-за шума не может начать. Его все время прерывают и останавливают. Только он начнет, как уже несется с мест: «Посмотрите на часы, больше 20 минут не давайте ему говорить»...

Балинов начинает с того, что объясняет Текутову, что между их группой и Билым произошло расхождение совершенно не по тем причинам, какие высказал Текутов. Хотя Трофимов и сказал, что у нас с Билым денежные расхождения — но это не так. Не денежные расхождения у нас с ним, а организационно-тактического характера...

— А когда деньги вам платили, то тогда не было тактических расхождений? — несется с мест.

— Мы всегда звали служить не личности, а идее, продолжайте звать и теперь...

Недоверчивым шумом покрывает аудитория объяснения Балинова на счет его идейности.

С трудом продолжает Балинов, возвышая голос, чтобы заглушить шум присутствующих. Начинает отвечать Желтухину, но кто то с места говорит, что ответ Желтухину должен дать докладчик Трофимов.

— Тут обмен мнений, тут все докладчики, отвечают устройтели.

— Мы, говорит Балинов, совершенно не принимаем участие в выборах Атамана, а нас просто неправильно поняли. Все вы знаете какая нездоровая атмосфера царит вокруг этого вопроса и вот, чтобы не произошло подмена казачьей воли старшинскими приказами, мы и обсуждаем этот вопрос всесторонне... Наша задача предостеречь Казачество от политической ошибки...

— Иш ты, какой политик! не унимается неугомонный дед Устюков.

Дальше Балинов переходит к тактике младороссов. При упоминании «Григорий Иванович Чапчиков», опять подымается шум: Какой он там Григорий Иванович, он просто Грушка.

Шумят что то в последних рядах и младороссы. Слышится: Посмотрите на часы, сколько говорит капынок?

— Меня перебивали, надрываясь кричит Балинов...

Полковник **Захаров** (атаман хутора в Клиши), как член комиссии, говорит, что информация о работах комиссии данная Трофимовым, сделана совершенно неправильно. Полк. Захаров тоже высказывает удивление по поводу того, что «О-во ревнителю» приняло участие в выборах: «Дела расходятся с тем, что пишут самостийники». Дальше читает распоряжение А. К. Ленинова по французскому округу, коим вольным казакам рекомендуется воздержаться от участия в выборах. Я осуждаю это, но это я понимаю. Здесь слово не расходуется с делом, у вас здесь что то не ясно...

Опять Трофимов дает пояснение, что они не принимают участия в выборах, — это только обмен мнений, оздоровление атмосферы...

Никого это не удовлетворяет.

— Вот тут говорили, продолжает Захаров, что кандидат в атаманы должен объявить свою программу. Я беседовал с графом Граббе, он всецело будет прислушиваться к голосу Казачества... Да что вам еще не ясно? Прочтите его заявление, напечатанное в «Иллюстр. России»... Еще одно, что нужно соблюсти при выборах атамана это не мешать политику. Не мешайте политику в это дело.

«Гвоздем» собрания было выступление **И. Сафонова**. Но прежде чем выступить, он просит предоставить ему 40 минут, т. к. у него очень много интересного и он не может вложить это в те 20 минут, которые даются ораторам. После некоторого торга Сафонов соглашается на 30 минут.

Взвораются тишина, все заинтригованы, что же скажет этот человек, уговаривавшийся о времени и обещавший «разоблачения».

— Вот, начинает Сафонов, тут вы (обращается в сторону правления ОРК) много говорите о выборах и тут же отказываетесь от выборов, уверяете, что это только обмен мнениями. Я же знаю, что это не так, но об этом я скажу потом, а теперь только хочу сказать несколько слов Балинову и Жукову, которые вот в своей газете нападают на Билого. Что же, он стал теперь плохим? А когда вы, Жуков, сидели здесь в Париже и, ничего не делая, получали денежки, то был он хороший? Теперь же вы, продажные шкуры, в какую то идею играете? Для чего вы собрали это собрание? Людей морочите — обмен мнений, так вот слушайте и мое мнение. Вы не называете своего кандидата...

— Да не выборы же... пробует вмешаться Трофимов.

— Молчи, Никанорыч, перебивает его Сафонов и играет кулаком у его носа. Присутствующие внимательно слушают, что скажет дальше Сафонов.

— Я знаю вашего кандидата. Это — Кудинюв. Почему же вы ведете эту игру? Да и кто вы, Жуков и Балинов? Те, что много лет говорили, что Билый очень хорошо ведет казачье дело, а теперь он плохой, потому что выгнал вас, бездельников, желающих получать только деньги... А ты, Никанорыч (к Трофимову), ты помнишь Монтаржи? Ты помнишь, как ты состоял в союзе возвращения на родину? Не казак ты, Никанорыч. Ты большевик, тебе не место здесь. Не имеешь ты права, ты и эти (показывает в сторону Жукова и Балинова и все время играет кулаком перед их носами), вмешиваясь в дело выборов атамана. А вы вмешались и трусите назвать своего кандидата. Труссы вы! Не хочу больше говорить!... Ударяет Сафонов кулаком по столу и идет на свое место. И еще с места грозит кулаком Трофимову, добавляя: «Никанорыч, берись, я тебе все вспомню, я много знаю»...

Понуро сидят за столом организаторы собрания.

Выступление донца Алимова ничего нового не внесит. Он начинает с заявления, что к ВК он не принадлежит, хотя многое в нем ему нравится. Говоря дальше о том, что донские верхи нарушили присягу, а следовательно являются клятвопреступниками, добавляет: для религиозного человека это страшная вещь, для меня все равно, т. к. я безбожник и...

— Ах ты сукрин сын, так ты значит большевик, несется с мест... Вот я его, вскакивает с своего места старик Устюков и с костылем направляется к столу.

Но, ничего страшного не происходит, хотя шум невероятный. Дед усаживается в передних рядах. Алимов отказывается продолжать свое слово.

Сафонов, видимо, еще не все сказал и с места пытается продолжить. Это не нравится устроителям. Жуков старается урезонивать Сафопова, говоря ему что тут собрание, а не митинг.

— Брось, полковник, отвечает Сафонов. Вы же большевики...

— Нет, мы не большевики, следует ответ Трофимова.

— Да ты то в союзе возвращения был? Ну, вот и все...

Почему же они, шумит зал, если они большевики, принимают участие в выборах?

Подымается опять шум. Перебранка между Сафоновым и «ревнителями» продолжается.

— Вас тоже знаем... Вы трус, о вас Шолохов так пишет.

— Шолохов тоже большевик...

Наконец, Сафонов уходит вниз, но тишина восстанавливается далеко не сразу. Если Балинов с трудом мог начать свое слово, то это еще труднее удается Жукову.

— То, что происходит сейчас с выборами, это пол-лог, а в нем мы участвовать не желаем. Конечно, выбирать атамана надо, но не такими способами, какими его пытаются выбрать...

— Да тебе то, кубанцу, какое дело до нас донцов?...

Подымается опять шум. Председатель с трудом восстанавливает тишину и дает собранию исторические справки о том, что казаки других Войск, при некоторых обстоятельствах, могут принимать участие в таком деле. Не удовлетворяет такое разъяснение донцов. Говорит Жукову почти не дают. Слышны только отдельные фразы, направленные в адрес «Лиги возрождения Казачества». Но вот доносятся фразы: мы же должны, кубанцы, быть в курсе дела. Ведь ваш Атаман будет председательствовать в «Об'ед. Совете Д. К. и Т.»... Договорились до края, до «сглаживания углов»...

Полковник Плахтов говорит, что у него создалось впечатление, что никто из выступавших совершенно не в курсе того, как идут работы комиссии по выборам Атамана, а дальше переходит к Вольно-казачьей программе и говорит, что «эта программа настоящая, казачья, но казаков не перевоспитаешь, т. к. слишком много впитали они в себя русского»...

— Ого-го, несется с места.

— Вот если бы вам пришлось взглянуть на те ответы которые присылаются казаками в комиссию, то

там только и есть, что царь батюшка да Россия матушка...

— Брехня святая, отвечает кто то с мест.

— Вот теперь о кандидате. Наш кандидат — граф Граббе и потому, что он объявил свою программу. Вот что заявил он нам, членам комиссии: «если казаки удостоят меня этой чести, то я с гордостью подниму трехцветное казачье знамя»...

— Не похоже, чтобы граф такую песню пел...

Говорят с мест и еще что то, но сильный шум не дает уловить ничего из сказанного.

После незначительных выступлений еще нескольких человек, Трофимов говорит заточительное слово. Опять начинается с того, что они атамана совсем не собирались выбирать в этом собрании или намечать кандидатов, а хотели только обменяться мнениями. Правда, мы находим, что эти события, т. е. предвыборная работа, должна быть изменена, а с этой целью мы послали протест в комиссию...

— Да слышали все это, довольны...

С грустью должен признаться, продолжает Трофимов, что сегодняшнее собрание совсем не было похоже на казачье собрание. Многие оскорбляли членов «общества ревнителей». Совершенно недостойно вели себя некоторые по отношению к Балинову и Жукову, да и по отношению ко мне...

— Лучшего вы не заслуживаете.

— Вот вы всегда подаете реплики, — выйдите сюда и скажите здесь, обращается Трофимов к кому то сзади.

— Считаю для себя недостойным это делать, слышится ответ.

По голосу узнаю донца Матвеева.

Под самый конец Трофимов переходит к самому неприятному вопросу, а именно к тому, что его назвали большевиком. Говорит, что он действительно состоял в союзе возвращения на родину и начинает излагать мотивы, которые заставили его решиться на этот шаг. Но собравшиеся не хотят больше слушать. Многие встают, направляясь к выходу.

На том это собрание и кончилось. Кончилось — ничем.

В толпе выходящих слышно: такого шумного собрания еще не было...

Следует заметить, что ход собрания передан здесь в весьма мягких тонах, на самом же деле собрание проходило более жестко. Были слышны, несмотря на присутствие на собрании дам и детей, нецензурных выражений, были так же и другие «мнения», которые передавать в печати еще не принято.

Можно наверняка сказать, что если у «ревнителей» действительно есть кандидат в атаманы, то они его уже провозгласили...

Интересно, что в защиту «ревнителей» на собрании, ими созданным, не раздалось ни одного слова. Молчали и все «ряловые» члены самого общества.

Присутствовавшие на собрании (в качестве гостей) несколько вольных казаков ни в «прениях», ни «в обмене мнений» никакого участия не принимали.

Записал: Еф. Якименко

ГЛАВА РУССКОЙ ЦЕРКВИ ТРЕБУЕТ ЛОЯЛЬНОСТИ К СОВ. ВЛАСТИ

В «П. Н.» 7 февраля приведено письмо московского митрополита Сергия от 9 января с. г. за № 16 «к карпатороссам и галичанам», в котором он требует от них лояльности к сов. власти:

«Я требую, чтобы подчиненное нам духовенство в своей церковно-общественной деятельности воздерживалось от всяких выступлений, которые могут быть поняты, как враждебные советскому правительству.

Воздерживаться они должны из уважения и послушания патриархии. Уважая свою патриархию, они берут на себя обязанность соблюдать некое правило политического приличия и в отношении советского правительства, которое для патриархии является законной государственной властью.

Такому обязательству противоречат не только выступления грубо враждебные, вроде благословения террористических актов, как то делает митрополит Антоний и другие, но и поджигание общественного мнения данной страны».

— Это лишнее доказательство тому, что казаки, строя свое самостоятельное государство, должны будут не забыть создать для себя и самостоятельную, независимую от Москвы, Церковь.

Мой ответ

Мне попала в руки листовка «К сведению вслых казаков» («Особое приложение к газете «Единство и Независимость» № 1, 19-2-1935), изданная в Париже и подписанная: председателем О. Р. К. есаулом Трофимовым, заместителем его Я. Голенновым, казначеем Ф. Ульяновым и секретарем полк. А. Жуковым.

В листовке этой, с присущим «опозиции» уменьем и любовью к сильным выражениям, вышпечерченные лица «с гадливым презрением проходят мимо... подлых «приемов» сторонников обанкротившегося «вождя» и выливают на меня (очевидно — «по дороге») очередной ушат помоев. За что? — за то, что в Болгарии и Югославии кто то распространяет какие то слухи, касающиеся г. Балинова и иных «опозиционеров» или «опозиции» в целом. Слухи эти вышпечерченные лица считают лживыми, а «источником» их — редакцию «ВК». Там же уверяется, что «никто из «опозиции» к редактору «ВК» не ходил, что Белый, «из жадности к деньгам», задерживает у себя суммы О. Р. К. и пр. и пр.

Читатели «ВК» на протяжении 170 номеров нашего журнала вероятно хорошо уже подметили мою любовь к личной перебранке и вообще к острой полемике с казаками, даже если они мои недруги. Если в «ВК» и была когда полемика, то только в крайних случаях и всегда — лишь в ответах. Несмотря на все нападки, до сих пор я г.г. «опозиционерам» не отвечал. Не собираюсь отвечать я никому и сейчас на ту часть грязи и лжи г.г. «опозиционеров», которая адресована лично мне — об этом мы поговорим когданибудь на своей земле, в своем только казачьем кругу. Сейчас хочу всего лишь восстановить фактическую сторону событий, может быть и давших кому повод распространять «тень» тех слухов, о которых выше, в своем собственном издании, намеренно извращенных, пишут г.г. опозиционеры.

(Когда я прочитал новую «прокламацию» господ мною выше перечисленных, я, весьма хорошо их зная, не могу удержаться от мысли, что пускают в свет они свои гнусные выдумки не только для того, чтобы «напакостить Билому», но и со специальной целью — искусственно повысить к себе интерес: своего рода самореклама!).

А делс было так: 20 ноября 1934 г. вечером я получил следующее письмо:

«М. Г. господин редактор! Вам, вероятно, уже известно из газет о надвигающейся опасности для ВК дела со стороны всех единонеделимцев, объединившихся в одно целое и наметивших на пост Дон. Атамана ген. Краснова. Считаю своим долгом в. казака напомнить Вам, что вольным казакам тоже надо объединиться, сомкнуть свои ряды теснее для отражения единонеделимческой атаки; для этого Вы должны найти какой то компромисс со своими бывшими сотрудниками. Уверен, что Вам тоже известно, что в единении сила. От бросьте личную щепетильность и тогда все пойдет по хорошему. Вы сторонник демократии, а по этому считаю не лишним напомнить Вам о том, что перед лицом германской опасности во Франции все враждующие между собою политические партии объединились и победили. Считаю, что и нам, в. к., надо последовать этому примеру. Личные счёты в государственном деле губительно отражаются на этом деле. Надеюсь, мой скромный голос не останется гласом волюющего в пустыне. С почтением А. Лысенков. 20-11-34. Аньер».

Не входя совершенно в оценку степени «надвигающейся опасности» со стороны ген. Краснова, равно как и роли объединенных французских партий в победе над Германией, я тогда же ответил г. Лысенкову согласен говорить с ним по затронутому им вопросу. Не помню, в тот же или на следующий день я написал ему письмо с предложением: вместо переписки, лично переговорить по поставленным в его письме вопросам, для чего и пригласил его к себе. Через два дня, вечером 23 ноября, г. Лысенков посетил меня, заявив, что он написал свое письмо и пришел говорить сейчас только от своего имени, что его на это никто не упол-

номочивал. Это не помешало нам довольно долго говорить с ним по вопросу о возможности компромисса и примирения. Мой ответ свелся к следующему:

О примирении с оппозицией стоит говорить тогда только, когда есть уверенность в том, что такое примирение принесет движению пользу, а не вред. Во всяком случае для такого только примирения и стоит работать. Примирение, которое ухудшило бы, ослабило бы движение, или внесло бы в него еще больший разлад, — такое примирение не нужно. Что касается состава оппозиции, то она не однородна. Там есть разные люди и есть разные цели у тех людей. Со многими из них мы расстались на протяжении нескольких лет по разным поводам, при чем с некоторыми расстались навсегда. Эти последние движению не только не нужны, но и вредны. Говорить о примирении с ними не будем. Не стоит начинать переговоров и с теми, с кем существуют у нас, по тем или иным причинам, острые личные или иные споры. Не буду разговаривать и с камышками, пока они не аннулируют своей декларации объявленной в 6 номере «Кав. Воли». С остальными я могу разговаривать. Но, зная, что руководящую роль у оппозиции играют именно первые две категории лиц, сама я инициативы таких переговоров на себя не возьму (уверенный наперед в неудаче). Если же такую инициативу возьмете на себя Вы или другие лица, с которыми можно говорить спокойно, то я говорить готов, но ставлю одно условие: говорить о том при свидетелях. Если бы некоторые Ваши (т. е. господина Лысенко) коллеги того захотели, я не отказываюсь изложить перед ними свою точку зрения более подробно.

На том мы и расстались.

Через несколько дней я получил от г. Лысенкова следующее письмо: «Уважаемый Игнат Архипович! После наших разговоров о примирении, я разговаривал со многими членами ОРК. Все они заявили, что, конечно, необходимо помириться, но весьма удивлены Вашим упорством вернуть ОРК деньги, о которых и я с Вами говорил. Мне дали понять, что до тех пор о примирении не может быть и речи, пока деньги ОРК не получат... В свою очередь прошу Вас, верните ОРК эти несчастные гроши и т. образом устранив барьер, мешающий примирению. Как только Вы уладите денежный вопрос с ОРК, так я примусь за переговоры. Пока, всего наилучшего. Ув. Вас А. Лысенков. 27-11 1934».

Итак, значит, примирению мешают деньги. Какие? — В данном случае вопрос идет о тех суммах, какие в 1932 и следы годах поступили через казначей или правление ОРК от членов и не членов о-ва в фонд Большого Круга и которые ОРК затребовало себе в апреле 1934 года.

Тогда же, в № 152 «ВК» я объявил о тех условиях, при соблюдении которых я те деньги верну.

15 октября 1934 г. письмом на имя председателя ОРК г. Трофимова я еще раз попробовал формулировать свои условия. Я писал: «Я совершенно не намерен каким либо образом пользоваться средствами Вашими или других каких либо оппозиционеров при созыве Большого Круга ВК и, как это было объявлено в журнале, готов каждую минуту вернуть их на следующих условиях: 1. Вернуть каждому только то, что я в действительности от него получил. 2. Вернуть так, чтобы гарантировать себя от двух требований возврата: один раз от Вашего общества, а в другой раз от самих жертвователей, что в действительности уже и есть. 3. Не возвращать Вам взносов тех, кто с Вашим решением не согласен, т. к. они от меня могли бы потребовать как раз обратное тому, что требуете Вы. (Такой случай тоже был: один из жертвователей, узнав о том, что ОРК добывается возвращения ему, обществу, и его взноса, письмом ко мне заявил, что он просит оставить его взнос в фонде и никому не возвращать»).

Дело осложняется еще тем, что само ОРК задержало в свое время (см. № 137 «ВК») у себя в кассе, не передавши по назначению, сумму, собранную в

фонд Б. Круга, и не хотело вернуть ее и жертвователям, вышедшим потом из ОРК. Эти последние настаивали передо мною, чтобы я не возвращал членам ОРК их взносов до тех пор, пока само О-во не вернет или не передаст по прямому назначению тех сумм, им, обществом, задержанных.

27 октября я снова писал г. Трофимову: ... «Должен еще раз Вам подчеркнуть, что вопрос идет не о деньгах О-ва Р. К., а о деньгах членов и не членов О-ва Р. К., переданных на Б. Круг через О-во Р. К. Дальше: Вы считаетесь со своим статутом, а я обязан считаться с волей людей фактически мне те средства присылавших. Я ровно ничего не имею вернуть деньги тем, кто их мне присылал. Думаю, что Вы как раз тем и не будете удовлетворены, ибо я вернул бы их г. Черткову, через которого их получил. После небольшого опыта переписки с Вами, я вижу, что может быть было бы легче решить этот вопрос путем не переписки, а непосредственных переговоров. Поэтому я решил поступить так: назначить с своей стороны трехчленную комиссию в составе: С. Н. Федосеева — атамана Парижской станицы, Е. И. Черткова, фактически мне деньги присылавшего, и Е. М. Якименко — от редакции «ВК». С другой стороны, предлагаю Вам назначить от имени О-ва не больше 3 человек. Этой комиссии в составе 6 человек и передать потом решить наш спорный вопрос. Если на то последует Ваше принципиальное согласие, благоволите меня о том уведомить. Останется всего лишь комиссии собраться и так или иначе вопрос решить. И. Билый».

Двумя письмами (от 30 октября и 4 ноября) г. Трофимов согласился на передачу дела в комиссию, назначив с своей стороны в нее: А. Жукова, Я. Голенова и Ф. Ульянова.

11 ноября комиссия сошлась, но ничего не решила. Несмотря на то, что сами же члены комиссии от ОРК признали, что вопрос идет не о деньгах Общества, они настаивали на передаче их Обществу, независимо от того, что о том думают жертвователи.

В таком положении находился спорный вопрос о тех «несчастных грошах», о которых писал мне г. Лысенков 27 ноября, и которые, по его словам, мешали нашему примирению.

Что мне было делать? — Я решил испробовать еще одно средство: я решил предложить г. Трофимову личную встречу для решения нашего спора путем непосредственных переговоров. 5 декабря г. Трофимов ответил мне, что не может вопроса решить сам и что ему нужно сначала получить на то согласие О-ва. Письмом от 10 декабря г. Трофимов сообщил, что согласие О-ва у него есть и что встреча наша может состояться. 17 декабря такая встреча состоялась. Я пошел навстречу всем почти требованиям г. Трофимова и соглашение было достигнуто. 24 декабря, согласно нашему уговору, я послал г. Трофимову проект нашего расчета, на который он, письмом от 28 декабря, поставил еще ряд условий, часть которых я снова принял.

Переговоры наши, таким образом, приняли совсем мирный характер. Настолько мирный, что уже 28 декабря г. Трофимов писал мне: «Должен выразить Вам свое удовлетворение, что Вы нашли возможным... и т. д. Но в этом же письме дело осложнено было г. Трофимовым привнесением в наши расчеты обстоятельство, к ним непосредственного отношения не имеющего, для данного спора постороннего. Я этого нового условия принять не мог, но, казалось, что это не нарушит нашего соглашения и не испортит налажившихся отношений».

2 января 1935 г. г. Трофимов, по поводу принятых мною некоторых претензий О-ва, писал мне: «Огносительно Вашего принципиального согласия... кроме удовлетворения, ничего не могу сказать... Если Вы не только принципиально, но и фактически пойдете на это, то кроме хорошего, ничего не будет». Согласившись, очевидно, далее с тем, что новое обстоятельство, ставшее на пути к исполнению уже состоявшегося между нами соглашения, действительно не имеет прямого отношения к данному вопросу, г. Трофимов пи-

шет мне дальше (2 января):... «Расчет наш, конечно, несколько оттянется, но чтобы избавить Вас от этих счетов... я хочу взять это дело на себя. Думаю, что это не изменит наших спокойных разговоров по вопросу об окончательном расчете. Мне так же, как и Вам, хотелось бы закончить этот спор, но Вы понимаете, что я не всегда могу поступать так, как мне хочется. А. Трофимов».

Это было последнее письмо ко мне г. Трофимова. Не писал ничего и я ему ожидая, когда он кончит свои дела и когда мы рассчитаемся.

Никому я о своих переговорах с г. Трофимовым ничего не говорил, кроме членов прежней комиссии, которым потом сказал всего лишь, что соглашение с Обществом состоялось и передал несколько слов атаману ВК станицы Федосееву по просьбе самого же г. Трофимова.

После 2 января мне казалось, что теперь уже ничто не мешает миссии г. А. Лысенкова. Но я так больше ничего ни от кого и не дождался, пока... не дождался через два месяца «прокламация» ОРК, от 19 февраля, с далеко беспокойным содержанием.

Изложив фактическую сторону дела, я совершенно уклоняюсь от всякой иной полемики с г.г. «копозиционерами». Думаю, что читатели сумеют сделать надлежащие выводы и сами, особенно те, кто читал самую прокламацию. Лично я сделал свои выводы давно и сейчас могу лишь подтвердить то, что сказал вначале и г. Лысенкову: среди руководителей «копозиции» есть те, с которыми мира у нас никогда не будет. Его и не должно быть в интересах дела ВК, ибо результаты мира с ними были бы обратными тем, каких, может быть, хотели бы сейчас некоторые малоискушенные в политической борьбе казаки. Более опытные могут найти в литературе г.г. «копозиционеров» и сами достаточно противоречий. Еще больше таких противоречий между словами их и делами их. Совершенно отдавая себе отчет в том, что я говорю, я говорю: некоторые «копозиционеры» слишком громко говорят о мире и единении исключительно для того, чтобы этими словами прикрывать свои дела и работу на разрушение ВК.

И. Билый

Р. С. Настоящий ответ мой был дан уже в набор, когда, совершенно неожиданно для себя, 5 марта я получил от г. Трофимова новое предложение о производстве все того же расчета. Так как мне лично «переговоры» с правлением ОРК или его председателем достаточно уже надоели и так как у меня нет никакой гарантии, что продолжение их не принесет мне сюрпризов, вроде того, какой описан выше (закрытое соглашение, а потом открытая гнусная прокламация), чтобы покончить с этим делом раз навсегда, я считаю прошлое соглашение с г. Трофимовым отпавшим, отказываюсь от всяких разговоров и переговоров с теперешним правлением ОРК, а спорные суммы передаю бывшему казначею Общества г. Черткову (теперешнему казначею Парижской вол.-каз. станицы), через которого они были мне присланы, с тем, чтобы он немедленно вернул их членам ОРК, как только само ОРК вернет вольным казакам (членам Парижской станицы, не состоящим ныне в о-ве) те взносы, какие сделаны были ими в фонд Большого Круга и какие задерживаются о-вом у себя до сих пор.

Предупреждаю: все спорные ныне суммы получены были мною в чешских кронах. После их получения законом Чехословацкого правительства курс короны был снижен. Теперь официальный курс короны в Праге для почтовых переводов из Чехословакии во Францию равняется 62 фр. 50 сент. за 100 корон чешских. По этому курсу сделан перевод корон фонда на франки при нашем переселении в Париж, по этому курсу и будет произведен расчет г. Чертковым с членами ОРК.

Независимо от судьбы настоящего моего предложения, я тех денег от г. Черткова обратно не приму и ни в какую переписку или переговоры на эту тему ни с кем вступать не буду. Вместе вы когда то те суммы собирали, сами теперь и рассчитывайтесь.

И. Билый

Казачья эмиграция

На Большой Круг ВК

ВК в Болгарии

Поступило: от Марии Канаревой (из С. Америки)
14 фр. 70 сант.

СОФИЙСКОЙ ВК СТАНИЦЕ ИМЕНИ Н. С. РЯБОВОЛА

ВК во Франции

В ПАРИЖЕ

На состоявшемся годичном сборе Парижской в. к. имени А. И. Кулабухова станицы были произведены перевыборы правления. Закрытй баллотировкой избранными оказались: атаманом станицы **С. Н. Федосеев** (Куб.) помощниками: **Г. П. Павлов** (Дон) и **Д. П. Линник** (Куб.) станичным казначеем **Е. И. Чертков** (Куб.) и станичным писарем **И. А. Скобелин** (Дон.).

Членами ревизионной комиссии: **М. М. Колесов** (Дон.), **И. В. Киктев** (Астр.) и **А. М. Затенко** (Куб.),
Правление

В ответ на свое письмо ст 30 января с. г. я получил от вашего атамана г. М. Глазкова короткое письмо, в котором он пишет:

«Станичник Билый, Ваше письмо от 31-1 с. г. получил сейчас... Сейчас же необходимо иметь от Вас с обратной почтой тысячу или полторы фр. франков. Потому что на дела необходимы средства. В ожидании Вашего скорого ответа: В. казак М. Глазков. 5-2-1935».

Т. как В. К. не нужны «вольные казаки», принимающие свои решения в зависимости от того, пошлет или не пошлет им Центр тысячу или полторы фр. франков, то настоящим предлагаю Софийской имени Рябовола станице немедленно выбрать себе нового атамана. В случае неподчинения настоящему предложению, станица будет исключена из списков ВК.

И. Билый

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь,
Господи, редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах нашего уважаемого журнала «ВК» нижеследующее:

В № 1 от 19 февраля с. г. газеты «Единство и Независимость», органе «оппозиционеров», изданном в гор. Париже, появился мой адрес. Я категорически заявляю, что я никому разрешения не давал на это и заявляю, что орган оппозиционеров выставил мой адрес без моего ведома и разрешения. Я подобные акты считаю недостойными имени казака националиста.

С вольно-казачьим приветом: хуторской писарь
М. Сидевич, 4-3-1935 г. **К. Лысенков.**

В Бразилии

В днях 13-14 січня б. р. перший раз в Куритиби, столиці штата Парани, відбувся 3'їзд Укр. Союзу в Бразилії. На цім 3'їзді в імені В. К. виступав Сергій Савицький, який привітав Збори тими ж словами, якими Голова С. У. О. в Болгарії п. Д. Майстренко привітав у свій час перший в.-к. 3'їзд в Бєлгарії (Дивись «ВК», ч. 152), з тією ріжницею, що замість слова Українці було сказано вільні козаки і навпаки:

Дорогі брати Українці!

Від імені Вільного Козацтва вітаю вас з вашим першим конгресом в Куритибі і бажаю від широкого серця успіху в розпочатій роботі.

Лай Боже, щоб всі ваші найкращі побажання й наміри здійснились.

У нас з вами повинна бути одна спільна думка, одна ідея — загальної боротьби проти насильників-окупантів нашого веселого і щастивого колись Краю, щоб в єдиній дужкій лаві, з кличем до перемоги осилити злого ворога і таким чином звільнити наш любий Край від насильників...

Закінчуючи, я звертаюся до вас, любі брати українці, з кличем до більшої єдності і братерства по між

ВК в Германии

К СВЕДЕНИЮ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ
И ОРГАНИЗАЦИЙ В ГЕРМАНИИ

Настоящим предупреждаю всех вольных казаков и организаций в Германии, что г. **И. Д. Овсяник** не имеет права ни перед кем выступать от имени ВК, ни его где бы то ни было представлять.

И. Билый

Казачья елка в Смедерево (см. предыдущий номер журнала)

собою. Більше віри в своїх проводирів! — щоби, коли прийде слушний час і вас покличе рідний нарід на допомогу, — щоб всі, як один, встали в дужі лави плече о плече з своїми братами вільними козаками й нарешті звільними від проклятого ворога свій любий Рідний Край.

Хай же живе Вільна Незалежна Україна!

Хай живе Вільне Козацтво!

Гучні аплодіменти Зборів покрили останні слова промовця.

Підчас нарад також був прочитаний С. Савицьким реферат про Вільне Козацтво, який має бути видрукованим в «Укр. Хліборобі», органі Укр. Союз. в Бразилії.

Реферат, що був побудований виключно на історичних фактах, також викликав прихильне відношення Зборів до Вільного Козацтва.

Бразилія, 21-1-1935.

(Від власного кор.)

† ЕСАУЛ Л. В. БУЛАВИН

НА МОГИЛУ БРАТА.

Атлах Великий Всесоздавший
 Людьми не созданный мой Бог —
 К Тебе ушел мой брат державший,
 Закончив жизни эпилог...
 Склоняюсь над свежою могилой,
 Смешав чернила, слезы, кровь,
 Писать хочу, собравшись с силой...
 Нет!... Слезы, слезы, плачу вновь...
 Я знаю, слезы — сердца слабость —
 Утраты им не возместить...
 Вся наша жизнь была не радость,
 Но сердца ум не покорит...
 Закон нелепый, злой, коварный
 Творят под солнцем рок и смерть,
 А в сердце, в душу безотрадно
 Внедрилось лишь, что тебя нет.
 Вдали от всех родных и мамы
 Ты погребен в земле чужой
 И в этой тяжелой грустной драме
 Со мной не плачет Дом Родной.
 И вот, с душою опустелой,
 Я земно кланяюсь, скорбя,
 И мне осталось уделом —
 За всех оплакивать тебя.

Е. Булавин

12 июня 1934 г. умер казак инженер — есаул Кубанского Войска Леонтий Васильевич Булавин 41 года.

Потомок рода Булавиных, Леонтий Васильевич — казак станицы Карантинной Суворовской, Баталпашинского отдела. Военную службу отбывал вольноопределяющимся в 6 Кубанском пласт. батальоне, по окончании которой некоторое время учительствовал. Во время войны был мобилизован, окончил ускоренный офицерский курс и по производстве в офицеры зачислен в 16 Кубанский пласт. батальон. На турецком фронте назначается районным комендантом во вновь занятых турецких районах, с прикомандированием к штабу 3-й пластунской бригады. Революция застала его на этой службе. Вернувшись с фронта, офицеры бригады распылились и Л. В. передетым пробрался через большевистские ряды в гор. Ставрополь, где он учительствовал до призыва по мобилизации.

В это самое время произошло восстание Кубанцев в Баталпашинском отделе и образовался довольно сильный отряд под командой Шкуро. Для глубокой разведки по Ставропольской губ. выделяется 2-й Хоперский полк под командой подесаула Маслова. Полк пришел в село, где скрывался Л. В. и, чтобы не повредить семье, был инсценирован его арест. В первых же боях он получает назначение начальника пулеметной команды полка. В этом же полку он проделал всю кампанию борьбы с большевиками, был несколько раз ранен и контужен, а последнее ранение сделало его инвалидом на всю жизнь. Дальше эмигрантские мьгарства. Константинополь, болезнь и не способность к физическому труду. Л. В. нигде не обращался за помощью, гордость не позволяла. Служба в Нобелевском керос. деле. Виза. Америка. Ни языка, ни средств. И вот тут то Л. В. проявляет свои способности и казачье упорство в достижении намеченной цели. Днем работает, а ночью сидит над изучением американско-английского языка. В результате небольшая экономия и удостоверение об успешно выдержанном экзамене за курс среднего учебного заведения. Дальше пошло легче. Поступает в институт науки и технологии (тип технологического института), который оканчивает с дипломом инженера электрика и поступает в Эдиссоновскую компанию, где прослужил только 4 года...

Вся казачья колония была горда Л. В. и он всегда был только среди казаков и ничего другого знать не хотел, а посему станет понятным, какую потерю понесла казачья колония в Нью-Йорке. Отдать последний долг Л. В. явились представители всех наводностей.

Л. В. похоронен на кладбище Mount Olivet (Масляничная гора) рядом с казакон кубанцем, дирижером Кубанского хора С. Ф. Шелухиным, умершим в Нью-Йорке лет 6-7 тому назад от туберкулеза.

Мир праху твоему!

Е. Булавин.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

(Письмо в редакцию)

Господин редактор журнала «ВК»!
 Несмотря на мои письменные просьбы к Вам, вы не обратили никакого внимания на эти просьбы и донесения. Я писал вам относительно Алжирской казачьей станицы в Ницце (во Франции), атаманом которой является Н. В. Быкадоров, урядник В. В. Л., который уже больше трех лет собирается вести казачью эмиграцию в Африку. Но дело выхдит наоборот вместо этого, г. Быкадоров, который именуется себя атаманом Алжирской станицы, собирает деньги, неизвестно на что, от эмиграции. Земли в Алжире французское правительство ему еще не дало, да и Лига Наций денег не дает на перевозку казачьей эмиграции в Африку. Значит, г. Быкадоров задумал казаков поселить на луне, а своим агентам, как мы видим это здесь, в Польше шлет приказы и письма: как можно больше записывать казаков в Алжирскую станицу и непременно брать задаток на ту землю, которой еще нет, с каждого казака по 51 золотому, что получается на французскую валюту 150 франков.

Но откуда взять эти деньги? Некоторые, кто что мог, те продавали (вещи) и высылали Быкадорову

этот задаток, чтобы могли осесть на земле. Долгое время не могли дожидаться этой обетованной Африканской земли и потребовали свои деньги обратно. И что же? — вместо денег получили грозные письма.

Господин редактор, можно ли так делать, как делает урядник Быкадоров? Я ни все истые казаки будем кричать: это авантюра и афера.

При том Быкадоров прислал мне письмо, как атаману 7-го отдела Алжирской казачьей станицы в Польше, что почтенным старикам этой станицы является ген. Краснов...

Скажите пожалуйста, может ли быть почетным стариком Алжирской казачьей станицы ген. Краснов? Я думаю, что никогда... Интересно, почему г. Быкадоров втянул в свою станицу маршала французских войск и инженера Жиро? — Разве только для того, чтобы таким путем притянуть всю казачью эмиграцию к себе, дабы побольше собрать денег на выезд на луну.

Когда я узнал, что это неправда, и куда может вести Быкадоров, я решил отказаться от этого дела и то же самое получил грозное письмо, вместо возвращения денег, несмотря на то, что я обращался письменно к

Быкадорову с просьбой: вернуть мне деньги. На это он ничего не ответил и денег не вернул, но назначил на мое место помощника Хлебникова, уральского казака и войскового старшину Головачева и ряд других помощников. Вот тогда и пошла запись среди казачьей эмиграции, а так же и русских, и даже польских граждан в вольно-казачьи ряды Алжирской станицы, собирая задатки 51 польских злотых.

Но начали ко мне поступать письма и от польских граждан, чтобы я выяснил это дело и в письмах называют казаков жуликами.

Я счел нужным стать на защиту казачьего имени и подал жалобу польским и французским властям по поводу авантюры Алжирской станицы. В настоящее время в Польше ведется следствие и уже в некоторых местах полиция установила наличие преступления и виновные находятся в тюрьме. Хлебников же и другие, собиравшие деньги с легковых эмигрантов и польских граждан, куда то скрылись.

Прошу эту информацию поместить на страницах журнала «ВК», дабы предупредить казаков о деятельности атамана Алжирской станицы Быкадорова.

16-1-1935. Польша.

А. П. Ляшко (Кубанец)

ДУМЫ И МЫСЛИ

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

Прочитав статью Еф. Якименко в № 169 журнала «ВК». «Тем, кому надлежит знать», я подтверждаю то, что там написано. Такой взгляд действительно существует, а именно: все, что пишется в «ВК», — агитация против начальства.

Станичник Еф. Якименко написал сущую правду и в подтверждение могу привести такой случай, имевший место на постройке дороги Вранье - Босильград.

5-я Корниловская, 6-я Линейная и 7-я Корниловская сотни 2-го полка работали в горах на постройке названной дороги. Наступила получка и нам, всей сотне, недодали по 17 динар. Навели справки, оказалось, что и в других сотнях получило то же самое. Стали спрашивать командира сотни (войск. старш. Дубина) о причинах неполной выплаты заработка. Объяснения, данные командиром сотни, никого не удовлетворили и сотня отказалась идти на работы. За то, что казаки потребовали свой кровный заработок, их обвинили в большевизме. Но так как две сотни выслать нельзя, то выбрали как бы главарей, которых и выслали в Болгарию. Из нашей сотни высланы были: подх. Ф. Зинченкс — казак ст. Пашковской, взводный А. Панчишкин — ст. Усть-Лабинской, Г. Козлов — ст. Бекешевской и казак Катыхин.

Походному штабу, находившемуся тут же, в гор. Вранье, как и генералу Науменко не пришло и в голову поинтересоваться, а что же там за большевики, да еще целых две сотни? Зато Врангелевская контр-разведка немедленно «проявила интерес».

В одно утро, когда сотня была на работах (на работу брали и сотенный значек), к работающим приближается какая то группа. Строимся... Команда: Смирно!... Подходит генерал Артифковс (ныне умерший), который официально назывался «генералом для поручений при главкомандующем от Кубанского Войска», и после приветствия сейчас же говорит: Что же, вы и сюда приехали бунтовать? Если об этом узнает ген. Врангель, то думаете, что он поблагодарит вас за это герсйство? Указывая в сторону значка, продолжал: разве вы достойны этого значка? вам нужно красную тряпку, вместо сотенного значка...

Так «генерал для поручений» от Кубанского войска нашу сотню пожаловал красной тряпкой, а у нас, у многих еще не зажили раны, полученные в борьбе с красной тряпкой. Никому из казачьего начальства и в голову не пришло отстоять честь своих чинов, которых называли большевиками и жаловали красной тряпкой.

Пусть же те казаки, которые верят Шкурам и Головкам, помнят, что их тоже могут обвинить в большевизме, как это было с нашей сотней, которая требовала уплатить ей всего лишь то, что она заработала.

Семен С. Псарев

4-3-35 г. Бельгия.

МОЙ ГОЛОС

В журнале № 169 Е. Якименко призывает казаков требовать от генерала Науменко, чтобы он удалился с поста Войскового Атамана. Странно... Наверно Якименко не знаком с приказом ген. Науменко, поэтому и не думает с завтрашнем дне. А вдруг случится чудо? Кто же поведет полки без вedomо и назначения Вячеслава Григорьевича?

Не нужно оскорблять его превосходительство, а послушно окончить хстя заочные курсы офицерской школы, то тогда вы гарантированы на получение командной должности, если не на должность командира полка, то хотя на чин московского прихвостня. Для того, чтобы быть верным и надежным, многого не требуется: будь слеп, повинуйся только начальству и всегда тверди: за царя и Москву жизнь свою хочу отдать!

За славу казачью и за Родные Края не вспоминай, т. к. казачье прошлое темное, сказал сам ген. Науменко, а он, ведь, занимает место Войскового Атамана и говорит только «правду»... Просидел без дела 15 лет и даже не потрудился в заграничных архивах порыться, а там можно найти и светлое прошлое казаков...

Будучи в Греции в 1921-22 г.г., я был «командиром 3-й запасной сотни». Меня приглашают вступить с сотней в воинский союз. Дай, думаю, напишу в кубанскую канцелярию, т. к. совершенно не знал взаимоотношений канцелярии с всенским союзом. Получаю ответ ясный и категорический, что ни в какой союз не вступать, наш союз — это Кубанское Войско. Думаю — слава Богу, Атаман, значит, на своем месте.

Не так давно читаю в «Кав. Каз.» приказ: всем казакам и офицерам вступить в обще-воинский союз. Читаю и сам себе не верю. Чтс за окания, какая перемена? и думаю: наверно скоро дойдет до того, что и казачий флаг заменен будет тряпкой по приказу ген. Науменко. Ведь Кубанский гимн назвал же он просто песней. А вот «Бсже, царя храни» — это, он скажет, национальное... Вот собирать деньги на поездку в Америку для подыскания земли казакам и дальше Крайево и Бедграда ни шагу, — тоже хорошо... Это «атаманство-ванье»...

На днях я прочел книгу французского путешественника в Парагвай, а так как я с молодых лет страстный охотник, то меня туда страшно тянет. Особенно привлекает то, что там много волков, к тсму же имеющих окраску не серых забияк, а красных... Я не упущу случая и обязательно поеду в Парагвай. Убью с полсотни волков и обратно в Еврспу, прямо к старому волку в волчий дивизион. Ведь невозможно же брать Москву без волчьих хвостов! Хотя за 15 лет хвост и покраснел, но все же это хвост волка. А к тому же старый волк потерял свой хвост в Париже (вероятно в веселом настроянии)... Шутки шутками, а вы вот, братья казаки, все таки подумайте, что за руководители стоят сейчас во главе Кубанских казаков!.

Братья казаки! идите за Вольным Казачеством. Да здравствует Казакия!

Яков Безгласный

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)